

561
58

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

909
82

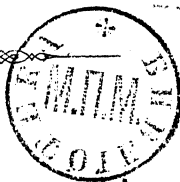
СВЯЩЕННИКА АНДРЕЯ АРГЕНТОВА.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

1757-0

Прочитайте. Есть предлюбопытныя страницы. Иркутскій Архіепископъ Пареевскій остался очень доволенъ. Графъ Амурскій (Генераль-Губернаторъ Восточной Сибири) пожелалъ видѣть автора налицо и благодарить изволилъ. Имѣю документальное доказательство тому, подписанное — „Муравьевъ“.

Нижній-Новгородъ.

Типографія Ройскаго и Душина.

1886.

Отъ Московскаго духовнаго цензурнаго комитета печатать дозволяется. Москва.

Декабря 31 дня 1885 года. № 1511.

Цензоръ Протоіерей Мих. Боголюбскій.

2007112838

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Священника Андрея Аргентова.

I.

Нижнеколымскъ. Церковь и парохія. Первобытные обитатели страны. Появленіе русскихъ. Начало и распространеніе христіанства. Чукчи. Примѣчанія. (См. 1 прим. къ гл. 1).

Въ старину слышій то острогомъ, то крѣпостью—Нижнеколымъ есть селеніе Колымскаго округа Якутской области. Стоитъ на лѣвомъ берегу (2 прим. къ гл. 1) рѣки Колымы, подъ 69 градусомъ сѣверной широты. До Среднеколымска отсюда 500 верстъ, до Якутска 2600, до Ледовитаго моря 120 в. (3 прим. къ гл. 1).

Въ Нижнеколымскѣ есть православная церковь, магазинъ запаснаго казеннаго хлѣба (4 пр. къ гл. 1), магазинъ экономическій съ рыбою въ обезпеченіе народнаго продовольствія, солевая стойка, пороховой подвалъ и 43 дома, устроенные для временнаго пріюта своимъ владѣльцамъ (5 пр. къ гл. 1). Гостиннаго двора и торговыхъ лавокъ нѣтъ. Купцы наѣзжаютъ сюда разъ въ годъ и торговлю производятъ каждый въ своей квартирѣ, что обыкновенно бываетъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Тогда жители, что кому можно и нужно, запасаютъ впрокъ разные предметы, покупая всего у купцовъ на 12 мѣсяцевъ.

Управленіе краемъ поручается лицу, которое избирается изъ казаковъ, утверждается высшимъ начальствомъ Восточной Сибири и служить безъ жа-

лованья *). На этомъ лицѣ лежатъ обязанности: полицейская, слѣдственная, судебная, военная, гражданская, учебная, почтовая, экономическая и все это даромъ. За то лице сіе титулуется—*частный командиръ*. Таковымъ при мнѣ въ описываемые годы (1843—1857) былъ пятидесятникъ Чартковъ, изъ военныхъ кантонистовъ. Онъ же за все это время былъ и безмезднымъ учителемъ номинальной мѣстной школы.

Не умѣю дать яснаго отчета, почему мнѣ именно понравился Нижнеколымскъ, изъ-за чего я предпочелъ его другимъ мѣстамъ, пожелавъ туда на службу. Можетъ быть, переѣздъ къ антиподамъ меня интересовалъ. Солнце глубокаго сѣвера то незаходимое, то невозходимое. Величественное сіяніе арктическихъ небесъ. Мракъ таинственной страны, гдѣ *nemo videt solem sex mensibus*. Дивныя пирамиды нетаящаго льда. Вѣковые завалы снѣговъ по захолустьямъ тундренныхъ междугорій. Можетъ быть, и рассказы бывалыхъ людей меня завлекали. Сами видѣли. Золото тамъ лопатами сгребаютъ. Осетые бобры (6 пр. къ гл. 1) такъ и плаваютъ, а черныхъ соболей коромысломъ играючи бьютъ малыя дѣти. Можетъ быть, и самолюбіе подстрекало меня. Неопытность. Безразсудство. Послѣднее какъ-будто ближе къ дѣлу. Такъ я теперь оправдываюсь самъ передъ собою. И еще скажу. Я счастливъ былъ тогда. Весь Божій міръ считалъ сокровищемъ себѣ. На край-свѣтѣ столь же хорошо должно быть человѣку доброму, какъ и вездѣ. Такъ думалъ я, или такъ думать долженъ былъ. Но какъ бы тамъ ни было ужъ, а я избралъ себѣ Нижнеколымскъ. Каяться не намѣренъ. Сдѣлано. Прожито. До семидесяти дожито. Богу благодареніе и ангелу хранителю.

Принявъ благословеніе отъ преосвященнаго Нила и духовно укрѣпившись напутственнымъ молебствіемъ къ содержащему вся въ Своей власти Господу, 5 января 1843 г. выѣхалъ я изъ Иркутска на почтовыхъ.

Послѣ шестимѣсячнаго слѣдованія черезъ Якутскъ (7 пр. къ г. 1), Верхоянскъ, Среднеколымскъ, 1 іюля достигъ къ мѣсту своего назначенія. Нижнеколымскъ. Здѣсь встрѣтили меня туземные костюмы. Ровдужныя камлеи съ куккулями и пыжичьи парки. Нарядъ, съ присовокупленіемъ разцвѣченныхъ калишлекъ и пестрыхъ опувановъ, довольно странный для глаза непривычнаго. Впрочемъ самое приличное и совершенно необходимое для туземнаго юкагира платье національное тамъ, приспособленное къ климату и условіямъ

*) *Ex honore*.

жизни. И помнится мнѣ теперь чрезъ много лѣтъ, съ какимъ наслажденіемъ слышалъ я въ Нижнеколымскѣ столь близкіе душѣ и сердцу родные звуки отечественной рѣчи, которая долго-долго оставалась для меня какъ бы забытою. По тракту отъ Якутска до Колымы (8 пр. къ гл. 1) господствующее племя— якуты и русскій говоръ не въ ходу. Но тѣмъ пріятнѣе, что въ Нижнеколымскѣ уже и самые якуты, забывъ свой собственный языкъ, изъясняются по русски.

По прибытіи къ мѣсту назначенія, первыя занятія мои состояли въ обзорѣни церкви и прихода, а также въ собраніи свѣдѣній по дѣламъ вѣроисповѣданія.

Церковь здѣсь деревянная. Устроена въ 1779, освящена въ 1786 г. Въ ней три престола, главный во имя Всемилостиваго Спасителя. Утварь взята отъ упраздненной предъ тѣмъ церкви Анадырской, и отъ староострожной часовни Нижнеколымской. Утварь хорошая. Есть три погера изъ чистаго серебра съ густою позолотою; такое же кадило; такія же двѣ на-престольныя дарохранительницы, изъ коихъ одна вѣситъ 14 фунтовъ. Есть и другія хорошія вещи. На содержаніе церкви получается изъ казны по 46 руб. въ годъ, на содержаніе причта по 414 руб. ежегодно на всю братію (священникъ съ двумя дьячками). Такія деньги, что на ржаные сухари не хватаетъ. Благо, тамъ ржанаго хлѣба люди не ѣдятъ. Рыбою питаются преимущественно, да мясомъ разнымъ.

Границы прихода: къ востоку Чаванскій край, къ югу — верховье Омолона (рѣка), къ западу—локотина рѣки Алазеи, къ сѣверу—Ледовитое море. Отъ сѣверной границы до южной около 700 верстъ и столько же отъ западной границы до восточной.

Общая покатошь страны отъ юга къ сѣверу. Главныя рѣки—Колыма, большая Чукочья и протокъ Алазеи текутъ въ Ледовитое море. Омолонъ и два Анюя впадаютъ въ Колыму. Озеръ множество, воды прѣсныя, изобилуютъ рыбою.

Численность прихожанъ въ 1843 году простиралась до 1860 душъ обоего пола. Въ томъ числѣ 650 человекъ русскихъ (казаки, мѣщане, крестьяне, поселенцы) и 1210 инородцевъ — юкагиры, якуты, чуванцы, тунгусы, коряки. Кромѣ сего здѣсь же превитаютъ до 200 человекъ — ламуты прихода Среднеколымскаго и каменнаго рода юкагиры прихода Ожогинскаго. Находимъ появляются ламуты Верхоанскіе и Ламскіе (отъ Лама—море).

Управляться съ такимъ обширнымъ разношерстнымъ приходомъ—дѣло не легкое и тѣмъ болѣе, что сообщеніе самое затруднительное. Дорогъ нѣтъ, лошадей очень мало, оленей недостаточно, собаки служатъ не вездѣ. Ъзда на собакахъ имѣетъ важную невыгоду въ путевомъ прокормѣ. Самый родъ кочевой бродячей жизни тунгусовъ, хотя и согласный съ условіями страны, въ экономическомъ и географическомъ отношеніи—не выгоденъ для сообщенія. Иногда сутки двой-трои ѣдешь на задуманное урочище, и никого тамъ не находишь: либо еще не прикочевали, либо укочевали.

Въ 1843 году я совершилъ по приходу восемь поѣздокъ:

По каменной Колымѣ до верховья малой Чукочьей рѣчки	
впередъ и обратно верстѣ	250
По сахарной Колымѣ до маяка	240
По Омолону до Середкиной	360
Въ Пантелеиху	100
Въ Ваеково	70
Ко кресту по Аню	60
Въ Онболиху	60
До рѣки Алазей къ тунгусамъ	850

Всего—водою и сухимъ путемъ совершено 1990 верстѣ. Кажется довольно бы, а между тѣмъ и четвертую часть прихода обозрѣть не удалось. Не былъ въ верховьяхъ Омолона, ни въ верховьяхъ Анюя, во многихъ другихъ мѣстахъ не былъ въ 1843 г., да и послѣ не былъ никогда.

Цѣлю странствованій было — доставить прихожанамъ возможность и случай къ исполненію христіанскихъ надобностей. Я крестилъ, вѣнчалъ, отпѣвалъ, молебны служилъ, молитву на всякую потребу читалъ. И такъ какъ большая часть инородцевъ никогда не были у исповѣди и святаго причастія,—я ихъ приобщалъ запасными святыми дарами, согласно благочестивому желанію ихъ, съ соблюденіемъ церковныхъ правилъ, по возможности.

Изъ путевыхъ случаевъ этого времени можно упомянуть о слѣдующемъ.

При край-лѣсахъ, на Дулбѣ, собралось до 85 кочевниковъ. Мы помѣщались въ большой тунгусской кожаной юртѣ.

Полъ устланъ оленьими шкурками и мелкими древесными вѣтвями.

Очагъ — шестокъ пылалъ по среди. Было около Филиппова заговенья въ ноябрѣ.

Самъ держа книгу въ рукахъ, я сдѣлалъ знакъ къ молчанію. Тунгусы и юкагиры дотолѣ занятыя взаимными привѣтствіями, лобызая другъ друга, подчюя и подчюясь ганзами, затихли. Я началъ объ обязанностяхъ христіанина, избирая нѣкоторыя мѣста. Направо, налево, рядомъ со мною сидѣли два толмача. Я читалъ, они переводили, толковали, изъясняя слова мои на незнакомомъ мнѣ нарѣчій. Чтеніе и толкованіе длилось часа полтора. Вниманіе слушателей было напряженное, неослабное. Когда кончилъ, — уважаемый своими Онторъ (Антоній) Куриловъ отъ имени собранія искреннѣйше благодарилъ меня за проповѣдь, убѣдительно прося и на будущее время не оставлять людей сихъ душеспасительными бесѣдами. Изъ этого я заключилъ, что обитатели тундръ глубокаго сѣвера, не смотря на мнимую кажущуюся суровость свою, одарены теплыми сердцами, наклонными къ воспріятію Божьяго слова.

По дѣламъ вѣропроповѣданія, возложеннаго на меня въ добавокъ къ приходскимъ обязанностямъ моимъ, я, будучи на Колымѣ новый, а потому и не зная съ чего начать и какъ приняться за дѣло, ограничился на первый разъ собираніемъ разныхъ необходимыхъ и подходящихъ свѣдѣній. Первѣе всего я обратился къ престарѣлому предмѣстнику моему іерею А. Трифонову, котораго 30-лѣтняя опытность могла быть полезнаю для новичка. Тоже я не обошелъ и нѣкоторыхъ разныхъ туземныхъ старожиловъ, знакомясь съ ними, разспрашивая, о чемъ надо было. Но самымъ положительнымъ источникомъ такихъ свѣдѣній служила мнѣ оффиціальная переписка по всѣмъ этимъ дѣламъ, сохранившаяся отъ предмѣстниковъ моихъ и находившаяся у меня подъ руками.

Нижнеколымскій край, до появленія здѣсь русскаго элемента, населяли омоки, ходынцы, чуванцы и имъ подобныя племена. Будучи грубыми и невѣжественными, они не имѣли между собою никакой общественной связи, топили въ разрозненности, вели постоянно междоусобицу, разбойничали, грабили оплошныхъ, убивали слабыхъ, колонили женщинъ и дѣтей. Топоры у нихъ были каменные. Пищу варили въ деревянныхъ корытахъ помощію раскаленныхъ камней. Огонь добывали треніемъ. Военное у нихъ орудіе — копье, лукъ и стрѣлы съ костяными остріями. Торговли не знали, сношеній съ цивилизованными народами не имѣли. Мирныя занятія у нихъ состояли въ уходѣ за домашними оленями. Звѣроловство, рыболовство. Любили упраж-

нятыся въ борьбѣ, бѣганьи. Фехтовались на копьяхъ, стрѣляли въ цѣль изъ лука. Вѣра ихъ — шаманство темное.

Русскіе появились здѣсь въ первой половинѣ XVII вѣка. Они прикочевали сюда на судахъ (кочи) съ моря черезъ устье р. Колымы и, преданіе гласитъ, имѣли видъ и странный и страшный. Лица у нихъ косматыя, руки извергали молнію и громъ. Это была первая, здѣсь появившаяся, партія нашихъ безугомонныхъ *тилофеевичей*, какъ величаютъ ермаковщину. Партія охотниковъ-добровольцевъ. Въ огонь и въ воду — рады стараться. Пришельцы объявили себя мирными гостями. Ласковость, щедрость, умѣнье держаться — скоро сдѣлали ихъ предметомъ общаго уваженія и любви. Огнестрѣльнаго оружія не было надобности употреблять; но и одно существованіе его уже значило много, задавая тонъ толкамъ и мнѣніямъ. Интересуя туземцевъ дорогими подарками — живѣтными лоскутками и тому подобными рѣдкостями, приходившимися по уму и вкусу дикарямъ, мирные гости между дѣлами успѣли обострожиться. Часовню построили въ 1644 г. и деревянную крѣпостцу. Вотъ починное основаніе Нижнеколымска.

Взаимныя неудовольствія и ссоры сосѣднихъ народцевъ дали благовидный поводъ гостямъ вмѣшаться во внутреннія дѣла. Казацкіе старшины покровительствовали однимъ, снабжали другихъ, общались третьимъ. Всѣмъ угождали, надобно сказать, дѣйствительно угодили всѣмъ. Не проливши капли крови, не употребляя ни насилія, ни наглаго, ни низкаго обмана, они водворили въ странѣ миръ, съ тѣхъ поръ ненарушимый.

Удачно безшумно упрочивъ себя, брататы не удовлетворялись начинаніемъ. Шли далѣе. Поднимались выше. Обложили туземцевъ ясакомъ для казны государевой и нѣкоторыхъ окрестили въ русскую вѣру. „Великъ Богъ русскій. Вотъ ваши костянки и наше желѣзо, ваши камни и наша сталь, ваше оружіе и наше. Сравните и вѣруйте“. Такъ проповѣдывали они. Юкагиры вѣровали этой проповѣди, приняли русскую вѣру и русскій языкъ. Съ тѣхъ поръ у мѣстныхъ юкагировъ русскій языкъ и русская вѣра съ примѣсю первобытныхъ разныхъ повѣрій и суевѣрій, что особенно замѣтно въ смутномъ понятіи о перерожденіи душъ. Дѣдушка возрождается во внука, бабушка приходитъ къ комунибудь изъ родныхъ и возрождается во внучка.

Выходитъ, что крестъ воздвигнуть и христіанство стало водворяться въ краѣ одновременно съ появленіемъ здѣсь русскаго элемента. Но откры-

тое язычество еще долго гнѣздилося на Колымѣ. Наши не любятъ насилловать чужую совѣсть, чужихъ душевныхъ убѣжденій. Между тѣмъ обычай крестить мірянъ мірянами на Колымѣ окрѣпъ въ народѣ и существуетъ по нынѣ. Когда объ этомъ дошло до Иркутскаго архіепископа Нила, онъ въ 1846 году предписываетъ мнѣ: обличать и искоренять зло; ибо иногда крестятъ люди, незнающіе даже самой существенной формы сего таинства; да и знающему, кто бы онъ ни былъ, крестить уже не порядокъ, когда сіе можетъ сдѣлать священникъ.

Послѣдующій ходъ распространенія христіанства на Колымѣ не во всѣхъ подробностяхъ извѣстенъ. Однако міряне продолжали крестить первобытныхъ жителей и число присоединенныхъ, съ умноженіемъ въ тоже время русскихъ, постоянно возрастало. Въ началѣ XVIII вѣка, еще до открытія Иркутской епархіи, на Колымѣ уже была святая церковь съ приходскимъ священникомъ. Антиминсъ, за подписомъ митрополита Фотія, въ 1704 году присланъ изъ Tobольска съ оригинальнымъ назначеніемъ „Въ собачій острогъ“. Въ февралѣ 1846 года я развивалъ сей антиминсъ для совершенія Божественной литургіи; а до 1704 года Колымскій край состоялъ въ приходѣ Зашиверскомъ.

Со времени отчисленія Колымской части отъ церкви въ Зашиверскѣ, по 1786 годъ, когда открытъ приходъ Нижнеколымскій, весь нынѣшній Колымскій округъ состоялъ изъ одного прихода и находился въ вѣдѣніи одного приходскаго священника, имѣвшаго мѣстопребываніе свое то въ Верхнеколымскѣ при часовнѣ, то въ Нижнеколымскѣ при часовнѣ же.

Примѣчаніе. Верхнеколымская часовня построена русскими вѣскими кочами, изъ судоваго лѣса той самой флотилии, на которой сами прибыли сюда, странное путешествіе совершивъ съ запада на востокъ „горю, лѣсомъ, парусомъ“. Почти невѣроятно? Но я не имѣю права исказать любознательнаго преданія. Кочи то плыли на судахъ, то волокли суда сухимъ путемъ—горю, лѣсомъ. Впрочемъ подобное нѣчто бывало со мною. То лодку перевозили мы, то лодка перевозила насъ.

Независимо отъ священниковъ Зашиверскихъ и Колымскихъ, страну навѣщали священники Якутскіе, которыхъ преданіе именуетъ объѣздными и которые были тоже, что въ наше время походные Якутскіе священники—миссіонеры.

Разсказываютъ еще, что въ 1735—1736 годахъ въ Нижнеколымскѣ

былъ іеромонахъ, состоящій при экспедиціи лейтенанта Лаптева. Его пріподобіе тоже могъ проповѣдывать слово Божіе и исполнять христіанскія требы.

Изъ всего же усматривается, что отдаленный край, со времени появленія здѣсь русскаго элемента вообще не позабытъ. Туземцамъ предоставлена была постоянная возможность слышать слово Божіе и просвѣщаться.

Окончательное обращеніе туземцевъ въ христіанство послѣдовало между годами 1807—1810. Затѣмъ болѣе некого было обращать ко Христу въ Колымскомъ округѣ. Да и по всей Якутской области, къ этому сроку, вслѣдствіе успѣшнаго старанія Якутской духовной миссіи, язычниками вывелись, исключая какихъ нибудь единицъ, случайно обойденныхъ. Самая эта миссія, какъ вполне достигшая цѣли своей, могла бы быть спокойно закрыта. Но въ то время при ней настоятельствовалъ незабвенный, ревностный, доблестный протоіерей Григорій Слѣпцовъ. Образцовый, почти современникъ нашъ, вѣропроповѣдникъ сей, не смотря на преклонность лѣтъ своихъ, ни на предстоявшія ему трудности и лишенія, зимою 1811—1812 года, отправился съ словомъ благовѣстія къ чукчамъ—народу и теперь не очень людскому, а тогда и варварскому и дикому. Отецъ этотъ отъ Нижнеколымска къ востоку проникъ на 500 верстъ, достигъ Чавана, первый онъ воздвигъ тамъ крестъ и нѣкоторыхъ чукчей крестилъ. Значитъ, ему принадлежитъ починъ святаго дѣла; онъ имѣлъ починный успѣхъ и de facto указалъ, что надо дѣлать дальше. Къ сожалѣнію, походъ сей былъ послѣднимъ подвигомъ на апостольскомъ подвижничествѣ мужа-старца. По возвращеніи изъ чукоціи, онъ выѣхалъ въ Якутскъ, гдѣ затѣмъ и остался навсегда.

На мѣсто протоіеря Слѣпцова, умершаго іеромонахомъ въ Спасо-Якутскомъ монастырѣ, въ званіи проповѣдника къ Якутской духовной миссіи, направленной въ чукоцкій край, въ 1816 году поступилъ А. Трифоновъ, священникъ Нижнеколымскій. Онъ ежегодно видался съ чукчами въ Анюйской крѣпостцѣ, 250 верстъ отъ Нижнеколымска, во время выхода чукчей сюда къ нашимъ купцамъ для торговли. Здѣсь о. Трифоновъ благовѣствовалъ чукчамъ слово Божіе и такимъ образомъ подготавливая ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ вѣроповѣдническимъ. При семъ священникѣ возникъ, енархіальнымъ начальствомъ формально высказанный, вопросъ объ отысканіи возможности проповѣдывать слово Божіе чукчамъ въ самыхъ мѣстахъ постоянно ихъ жительства и объ устроеніи тамъ церкви. Но тогдашнія об-

стоятельства еще не были зрѣлы. Чукчи вели себя уклончиво. Примѣръ Слѣпцова казался исключительнымъ; вызваннымъ особенною душевною волею энергичнаго старца, и потому не былъ побудительнымъ къ подражанію. По крайней мѣрѣ о. Трифионовъ, при всемъ своемъ желаніи (онъ живо чувствовалъ неудобство и недостаточность проповѣди на суетливой краткосрочной ярмаркѣ), не имѣлъ случая посѣщать чукчей въ ихъ постоянныхъ мѣсто-жительствѣхъ. Предположеніе устроить церковь оставалось почти въ угасающемъ состояніи, не переставая быть лишь въ мысли миссіонерской.

Духовное начальство не забывало чукчей при Трифионовѣ, заботясь о сближеніи ихъ съ русскими въ духѣ православія. Преосвященный Михаилъ епископъ Иркутскій въ 1816 г. почтилъ ихъ непосредственнымъ отъ своего имени пастырскимъ посланіемъ. Свидѣтельствую о безсмертіи души, о воскресеніи, о судѣ, о правдѣ, о жизни будущаго вѣка, о вѣчномъ мученіи, о царствіи небесномъ, — архипастыръ напоминаетъ чукчамъ про испорченность и порочность природы человѣческой, склонной къ дѣланію зла; убѣждаетъ обновиться вѣрою въ Господа, единаго посредника между человѣками и Богомъ, приемлющимъ всѣхъ обращающихся къ Нему чрезъ пострадавшаго за мірскаго животъ и спасеніе; желаетъ имъ мирнаго общенія со счастливыми россіянами и посылаетъ имъ поклонъ, моля Спасителя, да просвѣтитъ Онъ умъ и разумѣніе народа сего къ познанію Отца небеснаго чрезъ принятіе святаго крещенія. Въ посланіи чукчи именуется — благорожденные.

Въ другомъ отношеніи чукчи знакомы намъ уже болѣе 200 лѣтъ. Ихъ впервые увидали русскіе при устьи рѣки Колымы. Кочевой отрядъ нашихъ охотниковъ (добровольцевъ), командированный для обозрѣнія странъ и народовъ, здѣсь повстрѣчался съ людьми, привыкшими нападать. Но дерзость и мужество, косянки и ружья не имѣли равенства. Послѣ первыхъ же попытокъ схватиться, тайнымъ ужасомъ объятые, дикари, пугая другъ друга разсказами о косматолицыяхъ огневержцахъ, бѣжали въ глубь своей страны. Спасая себя, чукчи со своими стадами удалились въ Чаванскую страну и оставили Омоковъ въ покоѣ, дотолиѣ угнетенныхъ ими.

За бѣглецами на поиски отправился атаманъ Дешневъ. Командуя семью судами, имѣя при себѣ омоковъ толмачами-вожаками, смѣлый казакъ этотъ выступилъ въ море черезъ правое устье рѣки Колымы. Къ несчастію экспедиціи, большая часть судовъ потерпѣли крушеніе отъ гибельныхъ льдовъ и морякъ нашъ лишь съ двумя только судами едва добрался до мыса Эррень (Шелатскій мысъ). Было не до покоренія чуди. Атаманъ однако же съ

честью выпутался изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Мирнымъ гостемъ назвался; дарилъ стеклярусь, пуговики, иголки и, вспомошествоемый самими туземцами добродушными, пробрался моремъ на рѣку Анадырь. Это событіе относится къ 1648 году. Сохранился рапортъ Дешнева. О случившемся онъ доносить по начальству.

Послѣ Дешнева посѣщали чукчей: военная экспедиція маіора Павлуцкаго и нѣкоего Ибакланику, она побита на-голову, вслѣдствіе чего и былъ закрытъ Анадырскій острогъ въ половинѣ XVIII столѣтія. Купеческая экспедиція Шалаурова, состоявшая изъ 80 человекъ, которые всѣ погибли во время зимовки на урочищѣ Дялѣранъ 90 верстъ восточнѣ Пелагскаго мыса, кромѣ двухъ мальчиковъ, брр. Мурзиныхъ, которые взяты чукчами въ плѣнъ живые, вѣкъ XVII. Берингъ, Биллингсъ, вѣкъ XVIII. Слѣпцовъ и Врангель, первая четверть XIX вѣка.

Независимо отъ сего, въ 1785 году въ Колымской сторонѣ установились болѣе правильныя сношенія съ чукчами, и какъ же?

Колымскій нынѣшній округъ составлялъ тогда часть Зашиверскаго комисарства, Коммисаромъ (исправникъ) былъ нѣкій Баннеръ. Ему пришла на сердце мысль—имѣть пріятелей на Чаванѣ.

Дѣйствуя чрезъ преданныхъ ему чаванцевъ и одного коряка, благодѣтельствованнаго имъ, добрый Баннеръ, въ видѣ хлѣбосолюства, послалъ почетнѣйшимъ на Чаванѣ чукчамъ десять папушъ листоваго табака, двѣ горсти стекляруса, нѣсколько иголь, пару ножей и одинъ котель, предлагая чукчамъ выйдти въ Юкагирскія стойбища за полученіемъ новыхъ гостинцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для мѣны товаровъ.

Обрадованные присылкою, прельщенные заманчивымъ посуломъ, чукчи вышли на рѣку Ангарку (по большому Анюю, отъ Нижнеколымска 400 верстъ), остались отиѣнно довольны и съ тѣхъ поръ не перестаютъ къ намъ выходить. Успѣхъ Баннера одобренъ высшимъ начальствомъ и для поддержанія чукчей въ мирномъ направленіи, до того опасныхъ и вредныхъ, даже ассигнована отъ казны особая сумма на подарки имъ, на пріемъ и угощеніе ихъ—пятьсотъ рублей ассигнаціями.

Экспедиціи, торговля, духовная миссія, приласканіе подарками, все это направлено къ одному. Къ смягченію суровыхъ чукотскихъ нравовъ, къ мирному сближенію чукчей съ русскими. Но дѣло шло довольно медленно и туго.

Въ годъ прибытія моего на Колыму, я нашелъ что? Старожилы Нижнеколымскіе питали общую, отъ предковъ унаслѣдованную недоувѣрчивость къ чукчамъ и предубѣжденіе, имѣющее основаніемъ своимъ, конечно, безпкойное поведеніе послѣднихъ и убійственныя набѣги ихъ на Колыму, о чемъ преданіе еще свѣжо въ народѣ. Добрые люди, за исключеніемъ весьма немногихъ развѣ, имѣвшихъ сношеніе съ чукчами какъ бы украдкой отъ своихъ, не напускались ѣздить въ чукотскія стойбища, разсуждая: „разумное ли дѣло довѣряться звѣрямъ; олени не товарищи волкамъ“ И вѣдучимъ чувствомъ симъ настолькоъ пропитанъ былъ народъ, что даже къ устью р. Колымы безбоязненно стали колымшане приближаться (для рыбнаго промысла) лишь съ 1821—1822 года, когда экспедиція Врангеля хоть нѣсколько прояснила, отуманенныя печальною стариною, понятія колымшанъ. Опасаясь повторенія бывалыхъ бѣдъ, боялись прокладывать ненадежнымъ соседямъ путь къ себѣ. Что до чукчей,—они не осмѣливались приближаться къ Колымѣ, а къ Колымскому устью и тѣмъ паче. Ближе, чѣмъ на 250 верстъ, не подходили. Ихъ страшила возможность заслуженной отплаты за старые грѣхи. Въ русскомъ миролюбіи они, судя конечно по себѣ, подозревали коварство. И чаванскіе старики твердили новому поколѣнію: „не ходить оленямъ съ волками,—кровь прольется; не жить вамъ съ русаками, бѣда стряется“. Общеніе ограничивалось до 1812 г. рѣкою Ангаркою, а съ 1812 года Анойскою крѣпостцею. Чукчи заявлялись сюда съ отточенными копьями, съ полными тулами стрѣлъ. А русскіе обезпечивали себя казаками и страшными за невѣрность и измѣну горными ламутами.

Общее число чукчей полагали въ 5—7 тысячъ, но кто же ихъ пересчитывалъ? Нѣтъ сомнѣнія, что они значительно численнѣе.

Народъ сей несовершенно подданный Россіи. Составляютъ особый разрядъ въ государствѣ. Законы наши у чукчей не имѣютъ значенія и силы. И чтобы тамъ ни творилось въ кочевьяхъ,—правительство не вмѣшивается въ ихъ дѣла внутреннія.

Прошли столѣтія, какъ мы узнали чукчей, пройдутъ и еще столѣтія и народъ этотъ останется—status quo ante за долго на долго. Климатъ и географія и почва края не могутъ скоро измѣниться и чукчи останутся чукчами, еще пожалуй на тысячу лѣтъ, или нѣсколько меньше.

Мрачное шаманство является тамъ во всей грубости и дикихъ образахъ крайняго невѣжества.

Жизнь чукчей, какъ народа, преимущественно поддерживается инстинктивнымъ, бессознательнымъ и слѣпымъ чувствомъ независимости и дикой звѣриной воли; слѣпымъ бессознательнымъ, звѣринымъ пристрастiemъ къ своему и недовѣрчивостію къ чужому, безъ разбора.

Отдаленность, труднодоступность, жалкая въ физическомъ и нравственномъ отношеніи бѣдность чукчей и чукотскихъ мѣстожительствъ, въ отношеніи географическомъ и климатическомъ, дѣлаютъ ихъ въ теченіе столѣтій независимыми, самостоятельными и, такъ сказать, самобытными.

А чукча доволенъ собою и предоволенъ. О лучшемъ не мечтаетъ онъ, потому что ничего лучшаго на свѣтѣ не знаетъ онъ. И не можетъ онъ нахвалиться родною своею землею.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Предлагаемая статья написана не нынѣ, а въ 1857 году и тогда же она, съ дозволенія цензуры, была напечатана. Нынѣ я только поспладилъ шероховатость слога, ничего существенно новаго самъ не прибавляя къ прежнему изданію.

2. Нижнеколымскъ первоначально основанъ былъ при протокѣ р. Колымы, верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ своего нынѣшняго мѣста, на которое онъ перенесенъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Убогое это селеніе (Нижнеколымскъ) нынѣ находится собственно не на материкѣ, а на островѣ, имѣющемъ стоверстное протяженіе. На лѣвомъ берегу рѣки Колымы, которая тутъ 3½ версты ширины и до девяти аршинъ (подледной) глубины. Насупротивъ Нижнеколымска за рѣкою, къ полуденной сторонѣ отъ селенія, виднѣются устья большаго и малаго Анюя. Въ отдаленіи, на востокъ и югъ снѣются обнаженныя горы—гольцы. Стоитъ это убогое селеніе на низкой плоскости, затопляемой весеннимъ водоразлитіемъ. Кругомъ—болото, лѣсъ и озера.

3. Близость моря (120 верстъ) способствуетъ въ зимнее время къ умѣренію холода, а въ лѣтнее—къ умѣренію зноя. Умѣреніе это происходитъ отъ неизсякаемой сырости. Для растительной и животной жизни выгода отъ него не велика, а для народнаго здравія и никакой выгоды санитарной нѣтъ. Воздухъ въ низменностяхъ отзывается душливою гнилью, а въ горахъ онъ пронизателенъ. Истребительныя

горячки (голодные преимущественно) не рѣдкость въ краѣ. Корь приходится годовъ черезъ 50, оспа годовъ черезъ 80. Называемыя лихорадки трясучія неизвѣстны вовсе.

Примѣчаніе. (Санитарная замѣтка). Всѣ безъ изыятія болѣзненныя натуры, страдавшія постоянно прежде трясучкою этого рода — по прїѣздѣ въ Нижнеколымскъ, оздоравливались безповоротно. Имѣю честь представить.

4. Мука доставляется изъ Якутска (2600 верстѣ). Изъ запаснаго магазина, она — ржаная, продается по 4 р. 43 к. за пудъ. Въ былыя времена обходилась дороже — семь — восемь рублей серебромъ за пудъ. Ergo времена улучшаются: мука вздешевѣла на рынкѣ.

5. Дома въ Нижнеколымскѣ безъ кровли, а съ однимъ лишь потолкомъ. вмѣсто печей — каминныя деревянные съ такими же трубами. Затычка изъ оленевой шкуры служитъ вмѣсто вѣюшки. Зимнею порою топимъ въ сутки 3—5 разъ; а чай пьемъ, буде есть у кого, въ сутки разъ 5—7, чашекъ по десяти на брата за прїѣсть.

6. Изъ Якутска на Колыму три тракта: на Омеконь, на Верхоянскъ, на Устьянскъ черезъ Булунъ:

А. Черезъ Омеконь на Верхнеколымскъ путь самый неудобный. Снѣга страшныя, отавы скудныя, населеніе ничтожное, въ лошадахъ недостатокъ, ѣзда сѣдловая, дороги нѣтъ. Съ половины августа до выпада снѣга можно пробираться по нуждѣ какъ-какъ, кое-какъ. Сей трактъ наитратчайшій.

Б. Черезъ Верхоянскъ ѣзда сѣдловая, на лошадахъ. Трактъ подраздѣляется на казенный и купеческій. Одинъ другаго сквернѣе. По казенному впрочемъ просѣкная дорогая, по главнымъ рѣчкамъ устроены мосты и тамъ — сямъ, далеко не вездѣ, устроены перевозы лодочный. По всему этому тракту станціонныя дома устроены и гостинницы встрѣчаются на пути каждодневно — очлежныя сиречь дома Входъ бесплатный, да и угощеніе даровое — дрова, вода, кровать. И спасибо!

Между Алданомъ и Колымою (верстѣ съ тысячи двѣ) пять домовъ станціонныхъ, проѣзжая по казенному тракту, я насчиталъ. Это просто самыя обыкновенныя якутскія юрты, наружно обкладенныя навозомъ. Ихъ иначе называютъ тамъ — станокъ, которымъ командуетъ есаулъ. Вѣжливый человекъ, гостепрїимный. радушный.

Станокъ отъ станка верстѣ съ двѣсти, съ триста. ѣзда почтовая неторопливая; въ сутки верстѣ 40—50.

Отъ чрезвычайной дорожной усталости вы можете у есаула отдохнуть сутки двой-трои. Онъ между тѣмъ отыщетъ почтовыхъ ло-

шадей, которыя у него пасутся гдѣ то на подножномъ кормѣ. Вывѣ- жеть лошадей, если онѣ отучили очень, или покормить ихъ сѣнцомъ, если онѣ сухи ужь очень.

Гостинницы тоже называются поварнями. Входъ открытый. Тутъ ожидаетъ путника готовый столъ, кровать, очагъ. Воды вдоволь. Стоитъ лишь черпнуть изъ рѣки, или льда надолбить изъ тарына, если вы любитель ледовой воды.—Дрова? Въ десяти саженьяхъ отъ по- варни цѣлый лѣсъ стоитъ. Лошадей отпускаютъ на подножный кормъ.

Добравшись до такой гостинницы, во-первыхъ, вы разводите огонь на шесткѣ и навѣшиваете чайники. Расторопный ямщикъ вашъ вно- сить чемоданы, услужливо растилаетъ медвѣжью шкуру для вашего удовольствія, подаетъ сухую закуску, вслѣдъ за которою уже и наивкуснѣйшій чай готовъ. Именно наивкуснѣйшій, какого ей-ей же, не подадутъ вамъ и въ Москвѣ.

Тепло и вы согрѣты. Можете раздѣться по домашнему. Правда— дымовато нѣсколько, отъ стѣнъ несетъ, но это нашему брату— ничего. Скука можетъ человѣка иной разъ обхватить, то это не отъ стѣнъ зависить ужь, а скорѣе же такъ сказать отъ стѣнокъ, въ ко- торыхъ покоится сердце.

Иной не свыченъ углубляться въ самого себя. Таковой, дабы въ меланхолю не впасть отъ продолжительнаго одиночества, — таковы: да чтить. Къ услугамъ вашимъ, въ гостинницѣ и библиотека есть своя. Къ услугамъ вашимъ цѣлыя стѣны и множество затесовъ. Уголь, каран- дашъ, рѣзецъ трудились тутъ. Вотъ на выдержку образчиковъ нѣсколь- ко.— „Казакъ бесъононь сказною“. — „Сэръ Кокренъ пѣшкомъ“. — „Трупъ графа Головкина веземъ съ Колымы“. — „Докторъ Ралеинъ ноги обморо- зилъ“. — „Журавли, журавли, скажите поклонъ“. — „У исправника В здѣсь жена родила“. — „Здѣсь на берегу рѣки Догдо Назимовъ и Пушкинъ ночевали“.

По купеческому тракту чаще встрѣчаются жилия мѣста, поднож- ный кормъ изобильнѣе. Чаще доводится на сендухѣ ночевать.

На сендухѣ? — Наѣдутъ на отавное мѣсто и дѣлаютъ приваль, приновивши къ самосушному лѣсу. Разгребуть снѣгъ, разведутъ по- жогъ, поставятъ пологъ, набросають хвои, настелятъ оленинъ, накла- дутъ медвѣжжинъ, подадутъ одѣяло мѣховое, подушку пуховую и рас- прекрасно—хорошо. Будь тутъ хоть 42 градуса ниже нуля по R.,—охъ не услышишь и „холодно“ не молвить никто. Разумѣтся, если очень слабыхъ женщинъ съ вами нѣтъ, кому и, дома сидя, пожалуй, безъ фланели забю. Съ женою и тремя малютками такимъ манеромъ фхаль

я этимъ трактомъ въ зимніе короткіе дни и—ничего, коли Вышній помогаетъ человѣку. При помощи Божіей, такимъ манеромъ въ 1856 году изъ Нижнеколымска до города Якутска я достигъ и—ничего, покуда Вышній помогаетъ человѣку. Чѣмъ крѣпче холодъ (чѣмъ морозѣ морозъ), тѣмъ пріятнѣе на сѣндухѣ чай. И ей-же, ей, въ Москвѣ такого вамъ не подадутъ. Паровая куклянка, мѣховое нижнее платье (штанами невѣжды называютъ), добрыя эгеды съ каченцами и чажами, торбасы и сутуры тоже грѣютъ превосходно. Рѣкавицы теплыя, шапо дорожное. Движеніе хоть небольшое, конечно, требуется и при всемъ этомъ. Я не фантазію рисую, господа. Я описалъ костюмъ—мундиръ моей жены, каковъ онъ былъ *au naturel*.

По тракту черезъ Верхоянскъ есть двѣ пустыни, ихъ всѣ путники боятся. Тукуланъ и переходъ отъ верхоянскихъ жителей на Индигирку. Каждая верста ста по четыре, считая отъ жилыхъ мѣстъ до жилыхъ. Мѣста необитаемыя совершенно, и лишь изрѣдка сюда заглянетъ иногда ламутъ, гоняясь за дикимъ бараномъ. Подъемы, спуски, бадараны, тарыны, рѣчки, камешникъ, медвѣди, комары, обходы, броды. Насилу пробираешься. Всего болѣе пугаетъ верхоянскій хребетъ. Гребень его вѣчно въ туманѣ, облака задѣваютъ за верхушки сопокъ. Въ сѣдлѣ не усидѣть. Опасно. Очень крутой переваль. Съ версту мѣста, тропинка зигзагами вьется по кручѣ такой, что надобно идти *pedibus apostolorum*. Пѣшкомъ. Съ разстановкою и съ палкою въ ружьѣ. Въ зимнее время особенный интересъ (для картины). Ни встрѣчнаго, ни поперечнаго по пѣльмъ недѣлямъ никого не видишь. Могила могилой. Не видишь никого и ничего живаго. Правда, водятся здѣсь лоси, олени, лисицы, волки, бѣлки, летяга, горностаѣ, росомаха, бараны (аргали), зайцы, тарбаганы, кабарга, рябчикъ, тетеревъ, глухарь. Да гдѣ они? Бараны въ горахъ, тарбаганы въ норахъ. Могила могилой. Не видишь никого и ничего. Тусклое небо, голыя скалы, лѣсъ обнаженный, вотъ и все разнообразіе вамъ. Снѣгъ хруститъ подъ ногами коня и благо, если тяжелой дремотѣ вашей помѣшаетъ куропатка, вспорхнувшая изъ-подъ копытъ утомленной усталой вашей лошадки. Вздрогнешь. А, ба, да здѣсь не вовсе же могиленно! Воронъ прокричитъ иногда, на кекурѣ сидя. Радъ и ему. А, ба, да здѣсь не вовсе же могиленно! Ночи здѣсь такія длинныя, тянутся чуть не цѣлѣ сутки. Часовъ по двадцати, а то и еще длиннѣе.

Въ мѣрѣ нѣтъ худа безъ добра. И здѣсь найдутся картины чудныя. Вкусъ человѣка разнообразенъ, и у всякаго свой вкусъ. Мнѣ нравится полярная природа.

Прекраснымъ величественнымъ, напимѣръ, находилъ я тотъ моментъ, когда, предупредивши утро раннее, пускаешься въ путь до разсвѣта. Луна рисуетъ волшебныя тѣни по утесамъ. Яркія звѣзды

придаютъ, падаютъ и какъ будто что онѣ хотятъ тебѣ сказать. Заря недалеко. А тишина такая, что самыя глубокія тайны сердечныя какъ будто вслухъ заговорили. И не этотъ ли голосъ—голосъ ангела хранителя, поющаго въ благодущіи, вопіющаго въ здравомысліи, взывающаго въ благоразуміи, глаголющаго въ разсудительности.

И вотъ ѣдешь-ѣдешь, вдругъ видишь что? Изъ-за листыга выходитъ струйка дыма. „Бялъ“, говоритъ жокакъ, оборотившись къ вамъ, а вы не понимаете его. „Дѣэ, дѣляхъ тоенъ“, прибавляетъ онъ, но вы не разумѣете его. Вамъ охота пришпорить лошадку.

Послышалось тявканье собаки, показался табунъ кобылицъ съ жеребцомъ, завидѣлось стадо коровъ и сѣно въ огородѣ. Жилая юрта передъ вами. Якуты и якуткы высыпали на передній дворъ опрятный и встрѣчаютъ гостя. Кто держитъ лошадь вашу подъ усты, кто спускаетъ васъ съ сѣдла, кто дверь вамъ отворяетъ. Каминъ пылаетъ ярко. Не останавливаясь, не раскланиваясь перешагнувъ черезъ порогъ, молчаливо вы проходите къ божницѣ съ иконами, набожно крестясь передъ святынею. У васъ съ собою тоже есть дорожный образокъ въ могилькѣ на груди, какъ и у всѣхъ. Разумѣется, серебряный образокъ подъ чернью—такъ водится у всѣхъ пріѣзжихъ и проѣзжихъ русскихъ здѣсь. Вы бережно снимаете его съ себя, цѣлуете съ должнымъ чувствомъ подобающаго уваженія къ знаменуемой святынѣ, помящаете свой образокъ и могилекъ вмѣстѣ съ хозяйскими образами.

Вы сегодня продержались въ сѣдлѣ 10—12 часовъ. Рѣзунъ-вѣтеръ билъ въ грудь и лицо, крутой холодъ нещадно морозилъ руки ваши и ноги, ледянистая кружевина росла на усахъ и ресницахъ, лошадка спотыкалась по заснѣженнымъ неровностямъ, досаждая сѣдоку. Все это вынесли геройски вы сегодня, отстаивая себя упорнымъ терпѣніемъ, по временамъ ворча на медленность невиннаго жокака. Для утоленія побѣдныхъ чувствъ, въ услокоеніе раздраженныхъ нервъ, на освѣженіе мысли не мѣшало бы упомянуть о флагѣ со спиртомъ. Упомяните только про флагу, и услужливый Саха (якутъ) непремѣнно доставитъ вамъ ее, хоть лежи она далеко, хоть наглухо будь закупорена гдѣ нибудь. И благо путнику. Караванъ уже странствуетъ недѣли и не видалъ оаза.

Всего удивительнѣе въ дорогѣ якутъ. Порядочному поручается 10—12 вьючныхъ лошадей. Утромъ онъ разложитъ на ночлегѣ вамъ огонь, навѣситъ чайникъ и котель, съѣстъ самъ маханины кусокъ, сходитъ на отаву, приведетъ лошадей, почиститъ ихъ, обдеревяжитъ и обовьючитъ, поднявъ на каждую два побочна трехпудовые. Днемъ, нѣсколько разъ останавливаясь, осматриваетъ и подчищаетъ тѣхъ же 10—12 лошадей, подтягиваетъ подпруги, поправляетъ потники и кладь, сбиваетъ съ

вьюковъ снѣгъ; а лошади въ то время (на побердѣ, пройдя отъ становища бирь, ики, юсь кѣсь), разбивая снѣгъ копытомъ, щиплютъ подножную траву. Вечеромъ сынъ дикаго сѣвера, самодовольный, непременно поестъ, курить табакъ, самъ мечтая про жирный обѣдъ, котораго онъ давно не ѣлъ и едва ли скоро увидитъ. На каждой станціи та же исторія ежедневная. Добравшись до ночлега, якутъ развьючиваетъ свои 10—12 лошадей, отмѣнно имъ любимыхъ, даетъ животнымъ охладиться, отводитъ на отаву, треножить, отпускаетъ на ночь. Сверхъ того онъ на ночлегъ разгрѣбаетъ снѣгъ, готовитъ ледъ—дрова, разводитъ огонь, навѣшиваетъ чайники—котлы, приноситъ—распаковываетъ нѣкоторыя сумы и наконецъ, сѣвши кусокъ конскаго мяса, ложится спать, подставивши нагую спину къ костру, животъ прикрывши санякомъ отъ трескучаго мороза. Какъ онъ выносить!! Платы за путь отъ Алдана до Анюйской крѣпости и обратно, туда и сюда верстъ съ тысячь пять, якутъ получаетъ 30 рублей; а если онъ ѣсть и пьетъ свое, при томъ имѣетъ собственную лошадь подъ себя,—онъ получаетъ за пугину 60, въ рѣдкихъ случаяхъ 70 руб. сер. Обѣдаетъ якутъ, хоть будь ихъ пятеро,—у всѣхъ у нихъ котель артельный и ложка артельная одна, которая ходитъ круговую. Сидятъ кружкомъ. Хлебнувъ дважды, якутъ передаетъ ложку сосѣду, сидящему по лѣвую руку, и ждетъ вновь своей очереди, когда всѣ его товарищи хлебнутъ по дважды. Это способствуетъ къ уравненію пищи для каждаго и пріятной бесѣдѣ.

В. Третій трактъ черезъ Булунъ, Устьянскъ и Русское устье. Здѣсь обходится дѣло безъ сѣдла. Водкою отъ Якутска до Булуна въ каюкѣ. На оленяхъ отъ Булуна до Русскаго устья. На собакахъ отъ Русскаго устья до Колымы. Какая околица и страшная даль! И пять мѣсяцевъ въ дорогѣ! Въ одномъ мѣстѣ прихватываютъ моря Ледовитаго. И какъ ударить тутъ погодушка-матушка, — сиди, лежи, дружокъ въ какой нибудь норѣ харь балаганъ недѣлю. А бывали и такіе случаи—по шести недѣль лежали—сидѣли.

7. Когда я былъ въ Якутскѣ, — морозъ случился 40° в. Въ воздухѣ мертвая-мертвая тишина. Охотскій-Камчатскій купецъ иконы на домъ поднималъ изъ церкви. Именинникъ былъ, должно быть. Со свѣчами въ рукахъ по длинной улицѣ по всей прошли. Мужчины въ энотахъ. Дамы — соболемъ чернымъ закутавши грудь. У насъ таковъ обычай. 50 градусовъ—праздникъ. Молебны служимъ, въ гости ходимъ, другъ друга поздравляемъ.

8. Нижнеколымская часовня существовала 174 года. Сгорѣла въ 1818 году отъ паловъ. Ровестница ея—Верхнеколымская часовня, построенная изъ судового лѣса, тоже сгорѣла въ концѣ семисотыхъ годовъ. Уцѣлѣвшее отъ пожара выплавлено въ Среднеколымскѣ и послужило основаніемъ Среднеколымской Покровской церкви. Въ обѣихъ

этих часовняхъ, покуда не было священниковъ на Колымѣ, службу правили престолюдины.

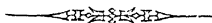
9. Чавань. По стариннымъ картамъ Чаунъ, по чукотски Чауанъ, Чава. Въ старину здѣсь обиталъ народъ какой-то, по чукотски называемый Чавачень. Наши Чуванцы созвучны сему. У чукчей тоже есть слово чукъ и слово чуккэнъ, чукчанье, чакчень, что означаетъ стужу. Слово Чауйчу означаетъ оленнаго Чукчу.

10. Въ 1743—1744 году заказчикомъ былъ Якутскаго Спаскаго монастыря схимонахъ Епифаній. Ясно, что край нуждался въ бѣломъ духовенствѣ. Заказчикъ, это тоже самое, что нынѣ благочинный. Поповскій заказчикъ, десятникъ, Отецъ Епифаній завѣдывалъ бѣлымъ Якутскимъ духовенствомъ всей нынѣшней Якутской области и разсылалъ подвѣдомственному духовенству циркуляры.

II. Протоіерей Григорій Слѣпцовъ подвизался преимущественно въ предѣлахъ нынѣшней Якутской области. Училъ не якоже книжницы, а яко имѣвый помазаніе свыше. На гласъ маститаго стекался народъ. Внимали, убѣждались, познавали Единаго. Каялись въ заблужденіяхъ и требовали святаго крещенія.

Если въропроповѣдникъ этотъ евангельскимъ вѣщаніемъ своимъ обратилъ въ христіанство до 70,000 человекъ, съ того времени исповѣдующихъ православіе и ставшихъ усердными сынами церкви,—это такое благодатное явленіе, при внимательномъ разсужденіи о которомъ, самая мысль моя меркнетъ, замѣняясь безотчетнымъ уваженіемъ къ избраннику Божьему. За такихъ людей молиться надобно и Господа благодарить. Вѣчная твоя память, брате мой и отче, вѣчна твоя память, вѣчная твоя память!

Въ половинѣ текущаго столѣтія новая звѣзда явилась на Якутскомъ горизонтѣ. Нѣкій протоіерей Хитровъ. Стараніемъ, усердіемъ, умѣніемъ этого человека якутскій языкъ тамъ введенъ въ церковное употребленіе, якутскій алфавитъ составленъ и разныя священныя книги переведены на якутскій языкъ. Послѣднее слово, до меня дошедшее объ этомъ человекѣ: „Въ Нижнеколымскѣ онъ у насъ, ѣдетъ къ чукчамъ на Аню“.

II.

Поѣздка въ Анюйскую крѣпостцу. Чукчи. Мѣновая торговля русскихъ съ чукчами. Взыскъ чукчами въ казну ясака. Исторія часовни. Бесѣда съ инородцами. Прощальный обѣдъ. Замячанія.

Итакъ вѣропроповѣдническая миссія моя ограничивается чукчами. Требуется отыскать возможность къ возвѣщенію слова Божія людямъ симъ въ самыхъ мѣстожительствахъ ихъ и нельзя ли тамъ устроить церковь. Миръ и общеніе да обитаютъ между народомъ симъ и русскими, дружба и братство да водворяются. Вотъ данныя, возникшія при предмѣстникахъ моихъ и унаслѣдованныя мною по преемству. Вотъ тема, вотъ вопросы служебныхъ моихъ занятій по званію.

. Для осуществленія и развитія принятыхъ мною началъ, я довольно путешествовалъ. Опишу въ настоящее время мою поѣздку въ Анюйскую крѣпостцу и упомяну о главныхъ обстоятельствахъ этого путешествія.

7 марта 1844 года, отслуживъ Господу Богу путешественный молебенъ (это сдѣлалъ я въ тѣхъ видахъ, чтобы укрѣпиться духомъ и Божьей помощи испросить себѣ), я отправился изъ Нижнеколымска въ предлежащій путь.

Нижнеколымскъ вдругъ въ самое это время весь опустѣлъ и затихъ. Не исключая и самыхъ даже женщинъ, всѣ, а въ томъ числѣ и я съ моимъ дядькомъ, отправились на чукотскую ярмарку въ Анюйскую крѣпостцу.

Черезъ четыре ночи я достигъ предположеннаго мѣста. Провелъ здѣсь десять сутокъ и къ 23 марта опять благополучно возвратился къ моему посту въ Нижнеколымскъ. Въ 17 дней отлучки, совершено 500 верстъ пути на 20 собакахъ. Плодомъ этой поѣздки было личное мое ознакомленіе съ чукчами и условіе свиданія съ ними въ ихъ мѣстожительствахъ.

Трактъ отъ Нижнеколымска до Аноյской крѣпостцы пролегаетъ по р. Сухому Аною. Ъдѣшь большею частію по самому руслу рѣки и лишь иногда перебираешься волокомъ черезъ мысы и стрѣлки. Мѣстами попадаются на глаза юкагирскіе балаганы съ маленькими амбарами на полтора-саженныхъ лапахъ. По туземному—сайба.

Древесная растительность не очень разнообразная здѣсь и ужъ вовсе не роскошь природы. Болѣе всего видишь лиственъ. Она идетъ на постройку домовъ и на отопленіе, а сѣра — на обмазку лодокъ, на лекарство и на жеванье. Ветла, которую юкагиры называютъ осиною, между тѣмъ какъ осины (*betula tremens*) на Аноѣ вовсе нѣтъ. Изъ нея выдѣлываютъ разводныя лодочныя днища и лыжи. Встрѣчается топольникъ мелкій и мелкій же березникъ. Послѣдній уважается, какъ дерево благородное. Употребляется на полозья, копылья, топорища и т. п. Изъ кустарниковъ: тальникъ, употребляемый на рыболовныя морды и т. п. Ольховникъ—имъ дубятъ и красятъ кожи. Горный вересокъ — имъ для запаха курятъ въ домахъ. Таволжникъ, багульникъ, ерникъ. Изъ плодоносныхъ кустовъ: ведровникъ, смородина черная, кислица, охта якутская (*Ribes discouscha*), шипишнякъ, голубель и малина.

На этомъ пространствѣ встрѣчаются по Аною незамерзающіе источники, сочащіяся изъ-подъ булыжника, во всю зиму остающіеся тальми. Около этихъ источниковъ (ключи) ледъ тощавъ и обрушивается нерѣдко.

Постоянныхъ жителей по тракту вовсе нѣтъ. На протяженіи 250 верстъ едва найдутся три семейства промышленниковъ—обрусѣлые юкагиры, которые на одномъ мѣстѣ не живутъ осѣдло, а переходятъ отъ одной ухи въ другую, смотря—гдѣ надѣются снискать пропитаніе. Промышляютъ рыбу, куроцатокъ, зайцевъ, бѣлокъ, горностаю, оленей, лисиць.

Снѣга, броды, забои и всегдашняя бездорожица — вотъ чѣмъ отличается пустынный трактъ. Самое же худое — наледа. Скаты съ вадиги на вадигу (шивера) отъ зимняго холода промерзаютъ сквозь. Тогда подледное теченіе рѣки пресѣкается. Между тѣмъ теченіе съ вершинъ все болѣе и болѣе напираетъ. Дѣлаются пропарины, образуются трещины. Наконецъ Аноѣ покидаетъ логовище, вода выступаетъ на поверхность льда и заливаетъ побережье. Обойти—обѣхать некуда. Вокругъ льденая непроходимая чаща, яры и горы. И маешься, и бродишь и мокнешь на стужѣ. Обсушиться—обогрѣться негдѣ. Много разъ приходилось такъ купаться. У меня имѣлось

дорожное платье про запасъ. Какъ нибудь такъ-сякъ выберешься на сухой берегъ. Мохнатую кулянку накинешь на себя, вмѣсто палатки. Переобуешься, переодѣнешься. Да какъ отмѣриешь двѣ тысячи шаговъ,—все благополучно обстоитъ.

Съ приближеніемъ къ крѣпостцѣ ощущаешь, что воздухъ нагорья становится свѣжѣе и пронзительнѣе.

Анюйская крѣпостца, устроенная въ 1808—1810 годахъ, исключительно назначена для свиданія русскихъ съ чукчами, хотя сюда приходятъ также чуванцы, ламуты, юкагиры, якуты и другіе инородцы, каждый по своей надобности: для исполненія христіанскихъ требъ, уплаты ясака, сбыта своихъ произведеній, закупки товаровъ, извоза, или же по дѣламъ служебнымъ. Со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ и утесами, она находится отъ Нижнеколымска въ юго-восточномъ направленіи. Въ Омокско-юкагирскихъ кочевьяхъ, при р. Сухомъ, иначе — Маломъ Анюѣ. Здѣсь часовня, казармы, и нѣсколько избушекъ, обитаемыхъ во время ярмарки и совершенно пустыхъ въ другое время. Все это обнесено деревянною оградой. Надъ главнымъ входомъ въ крѣпостцу—башня деревянная и, для уряду, у воротъ часовой стоять съ дубиной: ружье и штыкъ, чего тутъ добраго,—пожалуй, навѣютъ задумчивость на мнительныхъ сыновъ пустыни.

Размѣнъ товаровъ производится не въ самой крѣпостцѣ, а нѣсколько поодаль, подѣ открытымъ небомъ, на льду р. Анюя.

Чукчи со своими санками выстраиваются въ линію, образуя полукругъ. Шагахъ въ тридцати наспротивъ ихъ группируются русскіе купцы со своими прикащиками трехъ классовъ. Всѣ они заразъ урьмою высыпали изъ крѣпостцы подѣ командою торговыхъ старшинъ, заразъ урьмою спустились на ледъ съ горы. Товары на нартахъ.

Является исправникъ, старшины даютъ знакъ къ мѣнѣ и торговля началась. Покатились по льду сумы съ табакомъ.

Въ бѣлыхъ эгедахъ, волчьи сутуркы. Въ шапкѣ чернобурой лисьей лапчатой. Въ зимнихъ перчаткахъ, разцвѣченныхъ шелками, кунья опушка. Въ теплое мѣховомъ пальто, подбитомъ бѣлыми (какъ снѣгъ) лапами песца и бобровый воротникъ. Цвѣтная шаль черезъ плечо. Шелковый кушакъ. Слѣшно подходитъ купецъ къ саночной линіи, торопливо привѣтствуетъ чукчу (на этотъ разъ имѣющаго видъ небрежный и гордый),

предлагаетъ товаръ, самъ отрывисто приговаривая — мѣй, токъ! По нашему то-есть, милостивый государь, не угодно-ли? Чукча съ своей стороны не торопится. Всмотривается пристально въ русака и какъ будто вспоминаетъ про что-то вчерашнее.

Помѣривъ глазами суму, помявъ колѣномъ, повѣсивъ на рукѣ, обнюхавъ, покупатель вынимаетъ иногда изъ сумы табачный листъ, жметъ его, жуеетъ его, самъ примѣчаетъ, каково-то будетъ русское зѣльице. Распускается ли зѣльице въ горсти, есть-ли въ зѣльицѣ жизнь, стоитъ-ли за зѣльице эвыранъ платить (эвыранъ — животъ, плата, цѣна).

Наконецъ табакъ взять и переданъ чукчанкѣ. Начинается расчетъ.

По акту, существующему здѣсь, за пудъ табака, въ сыромъ видѣ (папуши), десять лисицъ съ хвостами и лапами (въ расчетъ принимаются красныя лисицы). Одна лисица равняется двумъ куницамъ. Четыре куницы равняются одному бобру. Бобръ въ одной цѣнѣ съ рысью, тоже и съ выдрой. Бѣлый песецъ въ цѣнѣ равняется моржовому клыку. Выдра равняется четыремъ песцамъ. Чернобурая лисица ходитъ по вольнымъ цѣнамъ, стоитъ отъ 1 до 4 пуд. табака. Но горе купчику нашему, если торопясь, зарябь на животъ, въ надеждѣ на недосмотръ старшинъ, ошибся бѣдный онъ: вмѣсто 40 клыковъ взялъ только 39, или въ числѣ десяти лисицъ, взятыхъ имъ за номинальный (35 фунт.) пудъ табака, у одной лисицы была отрѣзана лапа. Опрометчиваго тутъ же съ кону долой, подъ руки и прямо въ пятистѣнную (крѣпостная гауптвахта). Затѣмъ — судъ да дѣло. Изъ-за лисьяго хвоста, изъ-за лапы хлопочуть года два, поджидая милостиваго манифеста. Актъ нарушень-де. А покуда не послѣдуетъ желанный манифестъ, — купецъ на ярмарку являться не могъ.

На этой ярмаркѣ отъ чукчей получается: лисицы разныхъ цвѣтовъ, куницы, выхухоли, бобры рѣчные, песцы бѣлые и голубые, олени и нерпачьи шкуры, лысовые и моржовые ремни, выдра, моржовые клыки, а также мамонтовая кость (исчезнувшая порода сѣвернаго слона) и китовый усъ. Продукты эти большею частію американскаго происхожденія, переходящіе къ чукчамъ отъ экыригаулей — вольное племя на сѣверо-западномъ берегу американскаго материка. Къ чукчамъ на мѣну идетъ: табакъ, котлы, топоры, ножи, пешни, ножницы, наперстки, иглы, огниво, подпилки, колокольчики, винтовки, ганза, стекларусъ, королекъ, волчьи шкуры и драгоценная для чукчей бѣлоспинная росомаха. Юкагирскія тюкавки, логмины, никча, ауть, сверла, нарукавники, луки, стрѣлы, лыжи.

Количество табака, ежегодно промѣниваемого чукчамъ, опредѣляю я въ 400 пудовъ. Но, судя по отчетамъ, цифру эту приходится сократить по малой мѣрѣ въ четверо.

Народа стекается и съ горъ и съ рѣкъ отъ 300 до 900 душъ, а чукчей здѣсь бываетъ отъ 25 до 170 человекъ. Русскіе товары доставляются сюда изъ Якутска, чрезъ Верхоянскъ, Среднеколымскъ, на вьючныхъ лошадяхъ.

Кромѣ мѣны товаровъ, здѣсь чукчи взносятъ ясакъ въ казну государеву. На шубу батюшкѣ Царю (тыркѣ-эрэмъ) — лисицы красныя, а иногда и на воротникъ — лисицы чернобурья.

Являются они къ исправнику въ первый день его пріѣзда въ крѣпостцу. Потомъ постоянно еще посѣщаютъ его сутки двой-трой. Ихъ угощаютъ чаемъ съ леденцомъ и со пшеничными сухарями. Чукчи курятъ при этомъ табакъ, сосутъ лемешину, о томъ — о семъ толкуютъ. У каждаго чукчи назади за ременнымъ поясомъ подоткнута лисица красная.

Избирается моментъ. Исправникъ принимаетъ нѣкоторый тонъ форменности. Чукчи поочередно одинъ за другимъ подходятъ къ исправнику, низко кланяются и сами въ тоже время вынимаютъ приносъ изъ-за пояса, кладутъ лисицу вдоль своей спины, а головку лисью налагаютъ себѣ на темя. Исправникъ собственными руками снимаетъ жертву сію съ узорчатыхъ череповъ, казакъ прошауряетъ, эрэмъ печатаетъ. Затѣмъ усердные плательщики награждаются табакомъ и желѣзными издѣліями. Просятъ понудить купцовъ къ неукоснительной расторжкѣ, объясняя при этомъ что — позднее время, отдаленность проѣздки, прожитки беспокоятъ ихъ. Исправникъ даетъ слово постараться.

Число ясачныхъ чукчей не всегда одинаково. Иногда является человекъ 10, а иногда и 40. Къ платежу ясака не принуждаютъ ихъ. Чукчи взносятъ оный добровольно. Кромѣ обыкновеннаго ясака, въ видѣ особаго усердія, иногда приносятъ черныхъ лисицъ и чернобурыхъ, прося послать на Высочайшее имя. За такое усердіе иные изъ чукчей награждены кафтанамъ изъ алаго сукна.

Юкагиры, чуванцы, ламуты на ярмаркѣ торгуютъ свободно, безъ акта то-есть. А ясакъ взносятъ такъ:

Одѣвшись въ лучшее платье свое, съ кортиками на нарядныхъ поясахъ, чинно являются къ исправнику старшины и старосты инородческіе. Объясняютъ, сами стоя на ногахъ, что: годъ былъ плохой. Свинца у нихъ не хватило, пороху не достало и они въ неупромыслицѣ. Тотъ и этотъ ушелъ въ Гижигинскую сторону, третій годъ не кажутъ глазъ, государево не присылаютъ; а сей и оный прохворали.

Человѣколюбивый исправникъ очень жалѣетъ о горѣ, но требуетъ однако же подушный окладъ.

— Не можно-ли деньгами принять, ваше благородіе.

Уважая представленіе горныхъ дипломатовъ, исправникъ соглашается на просьбу, получаетъ кредитками безнедоимочно и выдаетъ квитанціи. Отдарковъ этимъ людямъ не полагается, но чаемъ угощаютъ ихъ и, кажется, со всеми принадлежностями, приличными случаю.

Какъ для священника, собственно для меня я нахожу интереснымъ въ крѣпостцѣ: часовня и тѣ же чукчи съ прочими инородцами въ отношеніи церковно-миссіонерскомъ.

Деревянная часовня, въ 1811 году основанная первымъ здѣсь по времени чукотскимъ вѣропроповѣдникомъ протоіереемъ Григоріемъ Слѣщовымъ, въ видахъ собственно для развитія вѣры и для храненія походной церкви, принадлежавшей къ Якутской духовной миссіи, тогда удалившейся сюда въ чукотскій край. Здѣсь я совершалъ Богослуженіе вечернее и утреннее, пѣлъ часы и молебны. Въ Вербное Воскресеніе, 19 марта, развѣвъ походный антиминсъ, совершалъ священную литургію. Предстояли 80 богомольцевъ. Причастниковъ 17 человѣкъ—юкагиры, чуванцы и чукчи. Здѣсь же въ часовнѣ крестилъ, вѣнчалъ, исповѣдалъ, отпѣвалъ, исполняя христіанскія требы у бродячихъ инородцевъ и, частію, у русскихъ.

Ради подробностей замѣтить можно, что младенцевъ для крещенія здѣсь представляютъ полугодовыхъ, годовыхъ и старше. Вѣнчаться приходятъ, сперва поживши вмѣстѣ годъ, другой-третій, а иногда и дѣтей наживши кучку. Объ отпѣваніи просятъ, когда покойникъ давнымъ давно уже покойтся гдѣ нибудь тамъ за синими горами. Случались и такіе примѣры, особенно между ламутами, иные приносятъ младенцевъ отъ разныхъ матерей, называя всѣхъ дѣтей и женщинъ своими. Все это, конечно, не согласуется съ желательнымъ порядкомъ и обличается. Но условія,

навыкъ, образъ жизни, новостъ дѣла, отдаленность отъ церкви и священниковъ—верхъ берутъ надъ вразумленіями поучительными.

Впрочемъ у каждаго изъ тамошнихъ есть наперстный крестикъ на груди и, у достаточнаго человѣка, непременно серебряный. Въ домахъ имѣются иконы Спасителя, Богоматери и святыхъ угодниковъ. У оленныхъ иконы раскрываются по временамъ, хранясь въ особыхъ кіотахъ; у балаганщиковъ открыто стоятъ на полочкѣ въ переднемъ углу, и свѣчка восковая передъ ними. И, если не у всѣхъ, — очень у многихъ имѣются маленькіе походные образа, хранимые въ могилькахъ. Такіе образа, въ могилькахъ, обыкновенно возлагаютъ на себя при отправкѣ въ путь. Отъ христіанскихъ таинствъ, отъ церковныхъ обрядовъ и постановленій не отрекаются. Исполняютъ ихъ, если къ тому представится случай.

Буде кому доведется прибѣгнуть къ доброму человѣку, пригласивъ его къ себѣ, — иконы занавѣшиваютъ изъ набожности, либо прячутъ. А что это за добрый человѣкъ, отъ котораго занавѣшиваются иконы какъ отъ коноги, или прячутся какъ отъ татя? Шаманъ, тайкомъ пробирающійся къ людямъ невѣжественнымъ и суевѣрнымъ, замѣняющій у нихъ тамъ и священника и лекаря. Разумѣется, это дѣлаютъ тихомолкомъ, чтобы не придралась полиція, съ которою добрый человѣкъ какъ-то не въ ладахъ.

Благотворительность обнаруживается призрѣніемъ бѣдныхъ. Совершенно неимущихъ безмездно пропитываютъ на общественный счетъ, прихожаго человѣка рады принять. А зараженнаго оспою и корью — оставить готовы на съѣденіе комарамъ.

Въ день прибытія моего въ Анюйскую крѣпостцу, чукчи, въ ожиданіи исправника и купцовъ (урьмою вся эта команда вѣзжаетъ въ крѣпостцу, и исправникъ во главѣ), чукчи были уже здѣсь. И не замедлили они тогда же навѣстить меня. Сперва одни мужчины пришли. Потомъ мужчины и женщины вмѣстѣ. Потомъ — женщины однѣ съ дѣтьми обоого пола, безъ мужчинъ. Я съ своей стороны отплачивалъ тѣмъ же и у нѣкоторыхъ гостеприимныхъ чукчей ночеваль.

Для разговора съ чукчами, постоянно при мнѣ находился переводчикъ чуванецъ. Переводчикъ невѣжда, бесѣда крайне утомительная. Терпѣнія требуется истинно христіанское. Впослѣдствіи я обходился безъ переводчика. Составилъ довольно обширный чукотскій словарь, который отослалъ въ Им-

ператорское Русское Географическое Общество. Впрочемъ все обошлось на тотъ разъ по добру.

На первыхъ порахъ были у меня чаванскіе гости. Пили (кирпичный) чай изъ деревянныхъ чашекъ. И они, попивая чай, сами глотали сладостный дымъ-никотинъ изъ своихъ крохотныхъ мѣдныхъ трубокъ (тавахъ-койнѣвъ).

— Эпѣнѣль, — сказалъ одинъ изъ нихъ, сидѣвшій на скамьѣ въ полулежащемъ положеніи, самъ ногу вздернувъ выше головы. Ты изъ дальней стороны пришелъ сюда. Видно, у васъ тамъ худо людямъ?

— Други мои, я слуга Господа моего Исуса. Будьте благосклонны. Я посланный.

— Да зачѣмъ же послали тебя?

— Я посланъ проповѣдывать православную вѣру доброму народу. Пусть ваши приходятъ ко мнѣ и станемъ заниматься дѣломъ. Разсуждать о небесномъ Богѣ, о Его дѣлахъ и о душахъ человѣческихъ.

Гости общали посовѣтоваться со своими и ушли, извиняясь сами, объясняя, что у нихъ теперь время ускорное и суетливое. Умы и помышленія заняты торговлею. Но что они не забудутъ обо мнѣ.

Въ слѣдующіе дни приходили ко мнѣ чаванскіе старѣйшины, женщины, дѣти. Жаждали духовной пищи. И обращено въ христіанство 18 душъ.

Я благовѣствовала святу ю истину въ простотѣ, не раздражая въ слушателяхъ суетной пытливости, избѣгая умствованій и имѣя основаніемъ слову моему слово Божіе. Въ образецъ бесѣды моей, привожу разговоръ съ чаванскимъ чукчею — Ивунѣй, впоследствии Павелъ.

Замѣтивъ въ Ивунѣй склонность къ слушанію, еже едино есть на потребу, я говорилъ ему: „Когда умираетъ вѣрующій христіанинъ, — Отецъ небесный посылаетъ къ нему добрыхъ слугъ Своихъ и Ангелы Его возносятъ блаженную душу въ мѣста горнія, гдѣ свѣтло, печали нѣтъ и радость постоянная. Другъ мой Ивунѣй, крестись, и будетъ хорошо“. Кажется, не много было словъ и самая простая рѣчь. И между тѣмъ этого довольно было; Ивунѣй крестился. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, увидимъ послѣ, проповѣдь моя была пространнѣе нѣсколько.

Первыми по времени, преданности и важности для миссіонерскихъ моихъ начинаній, пріятелями моими были: добрый Николай Ятиргинъ Слѣпцовъ (чаванскій эрэмъ) и почтенный сынъ его Андрей Омраургинъ.

Примѣчаніе. Пространный списокъ всѣхъ чаванскихъ чукчей (по родамъ и семействамъ въ-первыя тамъ на мѣстѣ составленный, я имѣлъ честь представить въ Императорское Русское Географическое Общество.

Однажды вечернею порою я зашелъ къ нимъ посидѣть. Хозяйка старушка почтенная — Вантыольгинъ радушно угощала насъ ужиномъ, подавая преремъ, кивлѣтъ и разную свою стряпню изъ мяса, мозга, жира, изъ нѣкоторыхъ травъ и корнеплодныхъ дикорастеній. Мнѣ подали столовый приборъ: тарелка, вилка, ложка серебряная и душистая свѣжая юкагирская салфетка, какую только тамъ и умѣютъ выдѣлывать изъ тальника. Мягкая какъ пухъ, бѣла какъ снѣгъ, свѣжая и прекрасный запахъ. Между тѣмъ, разговаривая со мною, Ятиргинъ высказался, что сердце его радѣеть о распространеніи между своими христіанства, и что онъ постоянно заботится объ этомъ.

Видя духовное направленіе собесѣдника моего, я началъ предлагать ему — какъ было бы для миссіи полезно проповѣдывать Христа въ самыхъ чукотскихъ мѣстожителъствахъ. Я склонялъ его принять священника на Чаванѣ. Эрэмъ согласился; мы условились и я рѣшился слѣдовать къ чукчамъ въ ихъ землю.

Когда отъ Ятиргина и сына его узнали чаванцы о моемъ намѣреніи побывать у нихъ, — между ними возникъ вопросъ, выраженный въ слѣдующихъ словахъ ко мнѣ: „Никто не вѣченъ на землѣ. Если ты умрешь у насъ, что дѣлать намъ и что тогда подумаютъ ваши“?

Я отвѣчалъ. — Мать тѣлу моему земля. Умру, — отдайте ей его. Бумаги мои отвезите русскимъ. Тогда всѣ узнаютъ, сколь вы добры. И хотя бы мнѣ случилось умереть у васъ, всѣ скажутъ — видно такъ угодно было Богу.

По окончаніи нашихъ совѣщаній, я собралъ мои пожитки и походную мою бібліотеку, въ томъ числѣ Завѣтъ Господа моего Іисуса и отечественную исторію Карамзина. Все это я, съ нѣкоторою церемоніею, передалъ Эрэмъ-Ятиргину, при собраніи его родовичей и при двухъ чуванцахъ толмачахъ, прося доставить мнѣ вещи по главнымъ пунктамъ будущаго нахожденія моего въ чукотской землицѣ.

Пребываніе мое въ Анюйской крѣпости окончено обѣдомъ, даннымъ на процаньи чаванскимъ чукчею, по имени—Галля.

Мы собрались въ семейный пологъ, который, по понятіямъ и разумѣнію чаванскаго чаучу, былъ не простое жилище, а настоящія палаты.

Пологъ имѣлъ $2\frac{1}{2}$ аршина отъ пола до потолка; $2\frac{3}{4}$ аршина отъ порога до переда, $4\frac{1}{2}$ аршина между боковыми стѣнами. По угламъ горѣли жирники, употребляемые для отопленія и свѣта; на самой серединѣ стоялъ эйчувульгинъ подъ лахтакомъ; съ потолка тянулись рукавицы, плѣки, шарвары, развѣшенные для просушки. Пологъ стоялъ въ подвижномъ походномъ шатрѣ, который (шатеръ) укрѣпляясь на треногѣ, былъ искусно развитъ и расправленъ рѣзвинами, какъ зонтикъ. Шатеръ походилъ наружною формою своею на стогъ сѣна, нѣсколько наклоненнаго въ одну сторону, и имѣлъ $6\frac{1}{2}$ аршинъ вышины отъ основанія и въ окружности 22 аршина. Въ пологѣ помѣщались: чаванскій эрэмъ Утиргинъ, чуванецъ, омока, коряка, я, самъ Галля со своею старухою и трое его женатыхъ сыновей со своими благовѣрными. И намъ даже не было тѣсно. Я объясняю это тѣмъ, что между нами не было лихоты.

Отъ невыносимой жарыни всѣ сидѣли безъ рубашекъ Мужчины, женщины, дѣти. Впрочемъ это ужъ такъ водится у чукчей и вовсе не диковинка.

Галля зажиточный человѣкъ и хлѣбосоль открытый, а по выраженію юкагировъ — латрыжный. Въ сѣняхъ разложили огонь, навѣсили (ротный) артельный котелъ, варили чуть не цѣлаго оленя.

Между тѣмъ, въ ожиданіи обѣда, подали закуску. Червячка заморить. Для каждаго гостя — оленья (сырая свѣжая самая съ шару) нога — на мозготанье.

Покуда мы трудились надъ сырьемъ, обгладывая мостолыги, обрѣзывая жилки, разбивая кость, вынимая мозгъ, — хозяинъ занималъ насъ своими разными разсказами. Вотъ содержаніе одного изъ нихъ:

Движимые чувствомъ мщенія за старья какія-то обиды, чукчи задумали набѣгъ. Было это въ 1840 году. Въ числѣ 70 человѣкъ они пристали къ острову въ туманную ночь. Первымъ дѣломъ было — продырявить у туземцевъ байдары. Затѣмъ они врасплохъ напали на сонныхъ обитателей

и перекололи многихъ. Испуганные гамомъ нападающихъ и отчаянными воплями своихъ, оставшіеся въ живыхъ кинулись было спасаться въ своихъ байдарахъ. Оттолкнулись на море и всё перетонули. Годныя женщины и дѣти всё взяты въ плѣнъ; а хилыя, хворыя, слабыя, увѣчныя, старыя убиты безъ остатка. „Для чего ихъ жалкихъ оставлять на мученье“, прибавилъ разскащикъ, желая въ безчеловѣчномъ поступкѣ своихъ собратьевъ видѣть добрую сторону.

Поданъ обѣдъ. Принесли деревянную большую посудину, похожую на плоское корыто, употребляемую у чукчей вмѣсто блюда и стола, называемую „кэмбна“, полную жирнаго мяса. Каждому изъ бывшихъ тутъ, хозяйка отдѣлила часть и всё домашніе вмѣстѣ съ гостями принялись усердно ѣсть, доставши свои поясные ножи. У меня не случилось съ собою ножа. Утнѣуть (имя хозяйки) сама потрудилась нарѣзать причитавшееся на мой пай, подбавляя и рукою подвигала кусочки къ моему краю кэмбны, но мѣрѣ того, какъ я съѣдалъ оленину. Со стороны хозяйки это означало высокую вѣжливость и уваженіе къ гостю.

Послѣ обѣда внесли въ пологъ и поставили на сковородѣ желѣзный котель съ мясною щербю, разведенною снѣгомъ, и мы пили изъ него костяною дудочкою, выдѣланною изъ лебяжьего крыла и называемую — камчюченъ.

Вмѣсто салфетки, мнѣ подали гитѣвъ (клочекъ травы), которою я отиралъ себѣ руки. Хозяинъ обтерся шаткарами сосѣда своего и тѣмъ же услужилъ сосѣду (шаткары юкагирское слово, а по чукотски чѣточъ. Обувъ съ мохнатыми щетинистыми подошвами изъ оленьихъ подконьтныхъ щетокъ). Наконецъ я перекрестился и сказалъ — спасибо. Юкагиръ и чуванецъ, глядя на меня, тоже перекрестились. И эрэмъ перекрестился. Всѣ прочіе не перекрестились и спасибо не говорили. Просто перестали ѣсть. Выкурили но трубокъ табака и отпировались на дворъ прохолодиться.

За обѣдомъ симъ почтенный Ятиргинъ такую рѣчь мнѣ говорилъ: „Вотъ смотри теерь. Какими видишь ты насъ здѣсь, точно такіе и у себя мы дома въ нашемъ краю. Ёди къ намъ, узнавай людей, крести, дѣлай тоже и такъ же, что и какъ ты дѣлаешь у юкагировъ и у чуванцевъ. Мы такіе же люди, что и всѣ другіе. Рады учиться русской вѣрѣ и добрымъ обычаямъ, хотъ и не умѣемъ — что и какъ надобно дѣлать“. Я отвѣчалъ: сперва надобно побывать у васъ на Чаванѣ, а потомъ подумаемъ и посоветуемся о дѣлахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Лѣтнею порою въ Нижнеколымскѣ едва насчитаетъ 2—4 дыма. Во время ярмарки собирается до 500 душъ разнаго люда и въ домахъ становится тѣсно. Духовные, военные, чиновники, купцы, мѣщане, крестьяне, якуты, тунгусы, юкагиры, ламуты, коряки, чуванцы. Словомъ, тутъ всѣ мѣстныя сословія и племена на лицо, какія только обрѣтаются въ Якутской области. Въ апрѣлѣ, въ мартѣ. И множество собакъ съ Анюевъ, съ Омолона, снизу, сверху и со всей пространной Колымы, а также съ Индигирки, съ Анадыра и съ Большой рѣки изъ за Ралава.

Животныя эти по временамъ завываютъ цѣлымъ хоромъ дикаго, отчаяннаго лаинья. Сначала затявкаетъ, заскулить одна какалъ нибудь изъ собакъ, ей подхватятъ *crescendo*, грянетъ поразительное *tutti* въ полторы тысячи голосовъ. Завоетъ эхо, откликнется лѣсъ, застонетъ окрестность. Гамъ идетъ не долго, утихаетъ постепенно и оканчивается одиночнымъ тьяканьемъ. Такой приемъ — концертъ собачій повторяется каждодневно, въ сутки раза по-четыре.

2. Собачьи сани — нарта, въ которую на Колымѣ запрягается 10—12 собакъ. Собачій кучеръ — каюрщикъ. Шлеи собачья — алыкъ. Собакъ кормятъ вытями, разъ въ сутки. Доброй — тяглой собакѣ на выть — 10 сельдей (тамъ очень крупныя сельди), каждодневно, а въ годъ свыше 3000 сельдей. Тысяча сельдей стоитъ 3—5 руб. Пряговая собака цѣнится 2—4 руб., лучшая 7—10 руб. Промышленная, охотничья 10 и до 50 руб сер. Собаками управляютъ (на Колымѣ такъ), гаркая:

„Пооць, — пооць.“ — Сзываютъ на переключку.

„Тта!“
„Пацца — начѣа“ } Понукають.

„Тооо, тааа“ — Стой!

„Нахъ, наахъ“ — На лѣво.

„Сюда, сюда“! — На право поворачивають.

Нартяныя полозья: осенью — изъ листовичной болони (креновые). Весною — подбитыя костями, а въ зимнюю пору — березовые моченые, съ войдою.

Войдою называемъ тонкій слой льда на полозьяхъ, наведенный киштыкомъ.

3. Затвердѣлая листовичная сѣра называется жевальной, или кусальной. До нея въ Нижнеколымскѣ много охотниковъ. Она лакомство. Служить для очищенія зубовъ; уничтожаетъ запахъ во рту.

4. Юкагиры, такъ и вообще всѣ обитатели Нижнеколымскаго края, исключая развѣ два-три дома, ведутъ жизнь кочевую (рѣчь объ осѣдлыхъ, а то есть тамъ и бродячіе). Въ одномъ мѣстѣ веснують они со своими мережами, перетягами, сѣтями; въ другомъ мѣстѣ лѣтуютъ съ неводомъ; въ третьемъ мѣстѣ осенуютъ съ ѣзами и ловятъ подледную рыбу по рѣкоставу; въ четвертомъ мѣстѣ зимуютъ. Юкагиры тоже кочуютъ съ мѣста на мѣсто, подкарауливая идучаго оленя, или гонясь за куропатками и зайцами. Иногда за лѣнною птицею, верстъ за 50 и далѣе, отправляются гусевать, утковать, лебедовать. Иногда слѣдятъ лося, или же прикармливаютъ лисицу. Пасти настораживаютъ (туземная ловушка на песца и лисицу). Черканы тоже есть у нихъ на горностае. Другихъ способовъ для пропитанія и нѣтъ почти. Съ 1842 г. стали на море показывать (ранѣе боллись чукчей) за нерпою: но промыселъ этого рода еще начинается только.

Женщины и дѣти ежегодно въ предосеннее время, покуда не заблѣбеть по полянамъ снѣгъ, ходятъ войну воевать съ мышами. Разоряютъ предусмотрительныхъ животныхъ. Обираютъ съѣсные припасы—мѣймѣй, пельхи, макарша и т. п. И мышинимъ добромъ утѣшаются-лакомятся цѣлую зиму. Разоренныя мыши послѣ околѣваютъ съ голоду, или же (это ужъ наблюдаемо было не разъ), съ отчаянія предаются самоубійству чрезъ повѣшеніе.

Рыбы тамъ, нечего Бога гнѣвить, очень много, и превкуснѣйшая: омули, нельмы, чирь и т. п. десятками тысячъ добываются, сельди—милліонами. Но и всего этого не хватаетъ, при собачьемъ хозяйствѣ (а другое-то хозяйство не мыслимо тамъ). Рѣдкая зима—весна минуетъ въ полномъ довольствѣ. Голодовка—явленіе самое обыкновенное.

5. Вадига—это, такъ сказать, плесо. Глубокое мѣсто рѣчущки между двумя шиверами. Шивера (нач. швырокъ)—крутой скатъ рѣчущки съ вадиги на вадигу.

6. Экыргаули извѣстны мнѣ по рассказамъ чукотскихъ торговцевъ (кавра-рѣмкитъ). Они—чукотскіе кавра-рѣмкитъ ежегодно, отправляясь съ мыса Пѣкъ, на своихъ кожаныхъ байдарахъ, плаваютъ къ экыргаулямъ. Экыргаули вольный народъ, ни наль собою, ни между собою не терпятъ власти. Управление у нихъ организовано, какъ у стадныхъ животныхъ. Имѣютъ собственный языкъ, отмѣнный отъ чукотскаго. На носу и на губахъ проколы съ костяными привѣсками (какъ серги въ ушахъ). Привѣсы эти выдѣлываются изъ моржовыхъ клыковъ. Люди сіи многочисленнѣе чукчей.

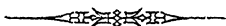
7. 900 лѣтъ колымшане и чукчи, смежно живя, трутся, такъ сказать, рука объ руку, бокъ о бокъ, и не смѣютъ другъ къ другу заглянуть. Необщительность эта бросается въ глаза. Это странно, — между тѣмъ это подлинно такъ. По крайней мѣрѣ такъ это было до 1844 г. За исключеніемъ старинныхъ разбойническихъ хищническихъ набѣговъ, чукчи на Колымѣ погостили всего однажды: двое изъ нихъ, по приглашенію протоіерея Слѣпцова, пріѣзжали сюда въ 1812 г. И только. Изъ колымшанъ, послѣ экспедиціи Врангеля (годы 1820—1823), къ чукчамъ въ ихъ мѣстожителства, кромѣ какихъ нибудь двоихъ-троихъ очукчѣлыхъ юкагировъ (и двоихъ-троихъ контрабандистовъ), никто не ѣздилъ. Чуванцы составляли нѣчто среднее между чукчами и юкагирами. Они осмѣливались временно бывать на Чаванѣ, не безъ боязни за себя; а далѣе Чавана не показывались и чуванцы. Не берусь объяснять страннаго явленія, но берусь засвидѣтельствовать передъ лицомъ исторіи, что съ 1844 года дѣла совершенно измѣнились къ лучшему. Число до 40 юртъ, чукчи подкочевали къ самой Колымѣ и держатся здѣсь съ русскими по братски. Русскіе тоже стали по смѣлѣе. На Чаванѣ, и даже на Эррѣнѣ (Шелагскій мысъ) ѣзда уже не рѣдкость, хотя и почитается еще какъ бы за подвигъ.

Полагаютъ, что допущеніе съ чукчами свободной торговли (безъ акта, вовсе не соотвѣтствующаго требованіямъ времени) и разрѣшеніе безпрепятственнаго въѣзда въ чукотскія мѣста всѣмъ колымскимъ обывателямъ и во всякое время, повело бы къ результатамъ болѣе удовлетворительнымъ. Тогда и дѣйствія духовной миссіи могутъ расширяться и принести свои плоды. И изъ-за грошоваго дѣла (лисія одна лапа, лисій одинъ грошовый хвостъ) не возникнетъ обременительной переписки по начальству.

8. Колымшане-русаки въ описываемое время, за исключеніемъ 100-лѣтняго сотника А. Кобелева и ученика его 65-лѣтняго П. К., по чукотски говорить не разумѣли. Въ слѣдующее десятилѣтіе по сей части произошли перемѣны къ лучшему.

9. Въ числѣ стряпни, чѣмъ чукчи угощали меня, одно блюдо называется — рильказель, а по юкагирски — маняло (по русски это будетъ, кажется, воняло). Замѣшанное на китовомъ жиру, какъ дѣлаютъ чукчанки, воняло — ничего. Это можно. Тоже и тальничный листъ, какъ чукчанки умѣютъ приготовить, — ничего. Я нашель, что тальничный листъ вкуснѣе вонялы. Кстати и юкагирскихъ стряпухъ я похваляю; ничего. Умѣютъ стряпать. Было бы изъ чего.

10. Чаучу — олений чукча. Эйчувульгинъ — лаханка черная. Плѣки — обувь. Олень домашній, по чукотски — каа, корака. Оленные юкагиры, ламуты, тунгусы — каарамкель. Пичвучанъ — легендарный народъ изъ сказочнаго разряда „мужичекъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ“.

III.

Поѣздка въ Чукоцію. Островъ Ае. Путевыя подробности. Замѣчанія.

Аё, или Аё-нутэнутъ, а по юкагирски Аека. Находится въ чукотскомъ лиманѣ Ледовитаго моря, при устьѣ Чаванской губы. Отъ Нижнеколымска къ востоко-сѣверу (О. N.) 400 верстъ, отъ скалы Пѣбекъ (отрогъ Эррѣня) 25 верстъ къ западу.

Отъ материка отдѣленъ мелкимъ иловатымъ проливомъ, составляющимъ ширины (бродъ) 2 версты въ малую воду и до 5 верстъ въ большую воду.

Длина острова (протяженіе отъ запада къ востоку) до 80 верстъ, а окружность до 250.

Грунтъ острова глинистый, болотистый, мѣстами песчаный. Древесной растительности нѣтъ, а также и приносяго лѣса съ моря водою очень мало. Изъ кустарниковъ изрѣдка виднѣется—ерникъ, тальникъ (это стелющійся тамъ кустарникъ). Изъ травъ всего чаще попадаетъ мелкая осока. Изъ корнеплодныхъ дикихъ растений: макарша, а также (чукотскія названія) понохальгинъ, міймій и кымиче, употребляемыя туземцами въ пищу. Есть и морская капуста, особенно въ Чаванской губѣ, которую островъ замыкаетъ съ сѣверо-запада. Изъ ягодъ—морозика, брусника. Изъ постоянныхъ птицъ (зимующія здѣсь)—воронъ, куропатка, лунь. Изъ млекопитающихъ: мыши, еврашки, песцы, волки, лисицы, медвѣди черные, зайцы бѣлые, олени дикіе и частію росомахи. Около острова держатся бѣлые медвѣди и мелкой породы нерпа. На островѣ есть озера, въ которыхъ рыба — гольцы отлично вкусные, вѣсомъ доходящіе до 20 фунтовъ. Пеллядка пяти вершковой длины, считая съ головою и хвостомъ. Есть также мелкія рѣчущки, ручьи.

Имѣя низменное положеніе, островъ совершенно открытъ для стужи, сырости и вѣтровъ.

Чукчи охотно держатся острова, привлекаемые сюда изобиліемъ и доброкачественностію оленьихъ моховищъ, а также удобностію сберегать стада отъ кровожадныхъ комаровъ и солнечнаго зноя, вреднаго оленямъ. Самое названіе острова свидѣтельствуеъ, что онъ угоденъ чукчамъ. Аё означаетъ — головной мозгъ.

Медлил я своимъ отъѣздомъ въ Чукоцію, оставаясь въ Нижнеколымскѣ. Я ожидалъ распоряженій епархіальнаго начальства, которому за благовременно доносилъ о моихъ намѣреніяхъ. Наконецъ все было готово, и распоряженіе получено (собственноручное письмо архіепископа, и образокъ на благословеніе). Стало не зачѣмъ болѣе останавливаться.

20 іюля 1884 года я отправился въ путь; 58 дней странствовалъ, по 15 сентября.

Въ этотъ промежутокъ времени моими убѣжденіями, при помощи Божіей, я успѣлъ обратить отъ язычества въ христіанство 140 человекъ. Такой успѣхъ былъ мнѣ лучшею наградою за понесенные труды и лишенія. Сверхъ же сего и то меня утѣшало, что я могъ на самомъ дѣлѣ убѣдиться и практически увѣриться въ возможности проповѣдывать слово Божіе въ чукотскихъ мѣстожителъствахъ.

Къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ моимъ важныхъ со стороны чукчей препятствій не открыто, и начали проявляться миссіонерскія надежды на лучшую будущность.

ПУТЕВЫЯ ПОДРОБНОСТИ.

Особеннымъ долгомъ поставляю для себя свидѣтельствовать здѣсь, что колымскій старожиль купецъ Л. Ив. Бережновъ въ этомъ, на Аё—островѣ, путешествіи былъ истиннымъ благодѣтелемъ моимъ.

Духомъ и сознаниемъ долга влекомый въ чукотскую землю, я чувствовалъ всю тягость несостоятельности моей, и къ тому не имѣлъ подъ руками вещественныхъ средствъ. Можно бы на томъ и остановиться, считая

себя правымъ по совѣсти, но я никакъ не могъ принудить себя быть покойнымъ. Я страдалъ внутренно, не имѣя средствъ осуществить моя благіе помыслы.

Тогда Л. Ив. какъ съ неба упалъ передо мною, и вотъ его слова: „Не горюй много, Богъ поможетъ“.

И въ самомъ дѣлѣ Богъ помогъ. Не было ничего, и вдругъ явилось все. И лошади, и люди, и путевое содержаніе. Это была жертва высокаго усердія частнаго человѣка и я никогда не могу забыть этой жертвы и высокаго безкорыстія.

20 іюля. При отправкѣ въ дальній путь, на Колымѣ соблюдаются нѣкоторыя особенности, какія исполнены и мною.

Сряжался надолго отлучиться отъ своихъ, я отслужилъ панихиду о прежде отшедшихъ отцѣхъ и братіяхъ. Пѣлъ путешественный молебенъ святому апостолу Андрею Первозванному. Окропился освященною водою.

Когда сряды кончились и все готово было, я омылъ руки мои и, взявшись за шапку, присѣлъ на минутку. Всѣ прочіе тоже присѣли. И воцарилась тишина. Чувства улеглись, душа успокоилась. Воскуяровая теплилась у образвъ.

Тогда среди общаго безмолвія, я первый съ мѣста всталъ, взывая къ Отцу всевышнему, да была бы благая воля Его и на землѣ долу такую-же, какъ есть всегда она на небеси горѣ. Присутствующіе помолились вмѣстѣ со мною; наконецъ я поклонился благословенной родительской иконѣ, приложился къ ней и вышелъ вонъ, бывъ провожденъ своими до берега Колымы.

Оттолкнувшись на рѣчку, гребцы на минуту покинули весла. Снявъ шапки, мы перекрестились. Лодка колыхалась слегка на зыбкихъ волнахъ. Верхи церковныя еще видѣлись.

Скоро смолкъ прибрежный говоръ. И люди и дома скрылись за лѣскомъ. Вечерѣло. Ночь наступала, склоняя путника ко сну.

21 іюля. Съ 9 мая по 8-е іюля, въ Нижнеколымскѣ нѣтъ ночей. Другими словами говоря, тамъ, съ Николаина дня до Прокопьева, красное солнышко не закатается, свѣта и по ночамъ. Съ Ильина дня начинаютъ появляться первыя звѣзды одна по одной. Ночи тогда еще короткія и бѣлыя,

заря съ зарею сходятся. 21-го іюля я проснулся за полночь, на какой-то тонѣ, при гармоническомъ побрякиваніи корневыхъ поплавокъ невода, рыболовами развѣшеннаго для просушки. Но солнышко меня уже предупредило. Ранніе лучи его радугой переливались по бѣлоснѣжнымъ вершинамъ высокихъ горъ, громадами рисовавшихся на безоблачномъ небѣ, Густой туманъ поднимался съ заиневѣвшихъ береговъ рѣки.

2 августа. И комаровъ, и зной, и дождь, туманы мокрые, изморозь липучую, слякоть подъ ногами, снѣгъ, холодъ,—все мы испытали, двѣ недѣли странствуя по мѣстамъ каменистымъ и тундрѣ. Топкія грязи, кочковатые калтусы, быстрыя рѣчки, рывины, неловкіе подъемы, неровные спуски, броды, обходы, и лѣсная чаща, и совершенное безлѣсіе, скудость кормовищъ для лошадей, и разныя другія надоѣдливыя мелочи,—было и было всего. Все это видѣли мы, все испытали. Но не было бы хуже, думали, и шли впередъ, безъ дороги разумѣется. Дорогъ здѣсь нѣтъ: не полагается оныхъ.

3 августа. Недостатокъ въ свѣжей пищѣ, происшедшій отъ долговременнаго странствованія нашего, тяготилъ насъ болѣе всего, разстраивая совершенно здоровье путешественниковъ. И мы готовы были слечь. Это ужасно на безлюдьи въ безпріютной пустынѣ. Мы думали,—погибнемъ съ голода. Но Богъ есть Богъ вездѣ. Расскажу случай, какъ мы спаслись и возобновили съѣстные наши припасы.

Взбираясь на угорь, изъ-за котораго видѣлось небольшое озеро, вотъ нашъ вдругъ остановился. Спустился съ лошади и пятился назадъ, самъ знаками давая знать о чемъ-то намъ. Замѣтивъ это, мы задержали нашихъ лошадей. Не медвѣдь-ли тамъ, подумали мы. Но медвѣдя не было тамъ. Гуси сѣрые. Ихъ десятковъ нѣсколько, покоясь, сидѣли на песчаной косѣ, и караульный у нихъ, съ вытянутой шеей, стоялъ на сторожѣ, поджавши ногу. Тотчасъ мы—съ сѣделъ долой, въюки на землю, собаки на волю. И началась азартная охота.

Куда дѣвались и хворь и усталость. Иной съ трудомъ сидѣлъ на лошади, морщился и поджималъ пустой животъ: теперь онъ суетился въ довольственномъ самозабытіи. Какъ вѣкъ не хвораль.

Страсть къ истребленію овладѣла людьми. Били, хватали, травили, кололи, рубили, гонялись, топтали. Это называется—гусевать.

27 гуменниковъ были трофеями побоища. Лапчатыхъ клали въ кучки.

Достали изъ побочна запасныхъ дровъ, разложили огонь, принялись готовить обѣдъ. Вышло отъѣнное холодное на жестяныхъ тарелочкахъ, прекрасное горячее въ мѣдныхъ котелкахъ, еще и лучше того— жаркое на деревянныхъ вертелахъ и, цвѣтъ юкагирской гастрономіи— мозготанье: гусятныя крылышки съ мозгомъ, а пухъ и перья бросили.

4 августа. Въ сумерки 4 августа маленькій караванъ нашъ выбрался на дикое побережье Ледовитаго моря.

Что море въ отношеніи къ вселенной и ея красотамъ,—капля въ океанъ? Но какъ прекрасна и она, эта капля!

Когда ступили мы на припаякъ, — казалось, я подошелъ къ самому небу, которое какъ бы сливалось передо мною съ необъятными водами. Зіяя изъ-подъ ногъ, обхватывая горизонтъ, развиваясь надъ головою, безбрежная синева, подернутая сумракомъ тихаго вечера, обворожала зрѣніе. Вѣвочныя горы пловучихъ торосовъ съ своими фантастическими узорами, какъ бы вися на воздухѣ, стояли грозными грядами; а за ними положились цвѣтные огни величественнаго сѣвернаго сіянія. Грохотъ, производимый паденіемъ льдовъ и глухой шумъ вдали, предшественникъ арктическаго урагана, дополняли картину, еще болѣе оживляя величественный видъ. Тогда, впервые созерцая все это, я усладился благоговѣніемъ къ премудрому и во всѣхъ твореніяхъ своихъ чудному создателю Богу.

8—10 августа. Отдаленность, трудность переходовъ, неблагоприятная погода дѣлали странствованіе наше медленнымъ. Только въ двадцатый день, по отбытіи изъ Нижнеколымска, отыскали мы чукчей, наѣхавши на таборъ ихъ при р. Орракооль-вѣзмъ, отъ скалы Ралява (большой Барановъ) къ востоку въ 120 верстахъ (12 побердовъ).

Насъ приняли, послѣ предварительныхъ небольшихъ переговоровъ передъ ихъ становищемъ. И вотъ они—переговоры эти:

— Тордма (здорово).

— Тордма.

— А, вы русскіе, изъ Колымы?

— Съ Колымы.

— А что тамъ нѣтъ повѣтрія?

— Нѣтъ. Все хорошо.

— Люка прїѣдетъ къ намъ?

— Вотъ онъ (Лука Бережновъ).

— Ааа, Люка, торома. А это кто?

— Священникъ.

— Эээ, эпѣпѣль.

Домохозяинъ, у котораго остановился я, по имени назывался Аканькѣвъ, Майникляволь (двуименный), то-есть, страшный силачь, исполинъ.

Онъ имѣлъ необыкновенной величины голову и соотвѣтственные ей чрезвычайнаго объема жилистые кулаки, что придавало ему большую важность въ кругу своихъ.

Это былъ въ полномъ смыслѣ диво чукча человѣкъ. Его считали за существо особенное и Аканькѣвъ, пользуясь этимъ своимъ преимуществомъ, частенько прогуливался верхомъ на спинахъ (сугошеромъ) своихъ прїятелей. И хотя за такой деспотизмъ бранили его въ глаза и по заочью, но никто не смѣлъ ослушаться, когда онъ приказывалъ нести себя верстъ за двадцать и больше. Впрочемъ Аканькѣвъ добрый человѣкъ. Мы съ нимъ скоро познакомились. Онъ между прочимъ рассказалъ мнѣ исторію своего рода-племени.

Отецъ его—Мирго былъ богатый, милостивый, набожный чаучу. У него было множество оленей, раздѣленныхъ на четыре стада. Численность головъ въ каждомъ стадѣ изжѣрилась довольно оригинальнымъ, слѣдующимъ образомъ. Тонкіе древесные прутки переламывали на мелкія части, и этими рѣзочками наполняли рукавицы и малахаи. У Мирго въ каждомъ стадѣ оленей считалось столько, сколько вмѣщали въ себѣ двѣ пары рукавиць, наполненныхъ рѣзочками. Мирго постоянно призиравъ бѣдняковъ, давая имъ кровъ, одежду, пищу. Сорокъ пологовъ служили у него надежнымъ прїютомъ равно для богатыхъ и бѣдныхъ. Набожность его обнаруживалась тѣмъ, что онъ, иногда по цѣлымъ долгимъ днямъ, простаивалъ на колѣняхъ, обратясь лицомъ своимъ къ солнцу. Мирго, конечно, молился. И это дѣлать онъ любилъ наединѣ, отдалясь отъ людей. Мирго былъ уважаемъ своими, и всѣми чтимъ. Онъ благоденственно дожилъ до сѣдаго возраста, называемаго старостію. Но, къ сердечному прискорбію Майникляволи,

отецъ его.—Мирго скончался безъ обычной и священной у чукчей церемоніи, соблюдаемой ими при смертныхъ случаяхъ. Умирая, Мирго такъ увѣщевалъ своихъ: „Смертельно мучусь я, не томите, сжальтесь, отпустите меня къ родникамъ“. Но у предстоящихъ не поднимались руки исполнить отпущальнаго обряда. То-есть, ни у кого не поднимались руки убить старика. „Вы мучите меня, за слабодушіе ваше я тоже стану мучить васъ“, сказалъ Мирго наконецъ, и это были послѣднія его слова. Онъ умеръ. И многіе плакали о томъ, что онъ былъ лишенъ послѣдняго долга.

И вотъ, исполняя закліятіе свое, Мирго вошелъ въ сына своего, чтобы исполнить правду, мучить родныхъ и потомство. Разсказъ свой (предполагающій вѣрованіе въ переселеніе душъ) Майникляволь заключилъ правоученіемъ—пусть люди видятъ и поучаются.

Выслушавъ все это я подивился страннымъ религіознымъ чукотскимъ обрядамъ и вѣрованіямъ и прочиталъ скорбѣвшему собесѣднику моему V и VI заповѣди закона Божія.

Когда собрались ко мнѣ здѣшніе, созванные чрезъ Майникляволя, я благовѣствовалъ имъ миръ и спасеніе. Я говорилъ имъ:

„Соединимся духомъ и сердцами. Единство вѣры сдѣлаетъ насъ единымъ счастливымъ народомъ, истинными друзьями и братьями. Это порадуетъ и великаго государя нашего. И всѣ просвѣщенные люди порадуются, когда услышатъ, что чукчи познали Отца небеснаго, Которому поклоняются народы. Вотъ я пришелъ къ вамъ изъ дальней страны. Что нужно мнѣ отъ васъ, или чего ищу я? Я желаю вамъ добра, тружусь для вашего спасенія. Креститесь во имя Трїедиаго. Будетъ хорошо“.

Выслушавъ меня, чукчи молчали, какъ бы размышляя—что дѣлать имъ. Они какъ бы выжидали, чтобы изъ нихъ кто-нибудь одинъ за всѣхъ отвѣчалъ.

Нѣкій шаманъ, по имени Тѣпно, возсталъ противъ меня. Онъ возражалъ, и вотъ между нами завязалось преніе, котораго я не могъ избѣжать, не смотря на принятое мною правило уклоненія отъ споровъ. Тѣпно говорилъ:

„Вы люди русскіе, Богъ далъ вамъ и вѣру русскую и лошадей; потому у васъ и вѣра русская и ѣздите вы на лошадяхъ, а самъ Богъ на небѣ. Мы люди—чукчи, Богъ далъ намъ и вѣру чукотскую и оленей; по-

тому у насъ и вѣра чукотская и вѣдимъ мы на оленяхъ, а самъ Богъ на небѣ. И такъ вы русскіе вѣруйте по русски и оставайтеcь съ вашими лошадьми, а мы чукчи будемъ вѣровать по чукотски и останемся съ нашими оленями. А Богъ, присматривающій за всѣми народами и за всѣми вѣрами, будетъ глядѣть съ неба и будетъ видѣть—по русски-ли живутъ люди русскіе, по чукотски-ли—чукчи, и каково каждый исполняетъ вѣру свою на землѣ“.

Къ этому своему возраженію оппонентъ мой присовокупилъ еще обстоятельство, что, при самомъ подъѣздѣ моемъ къ табору, онъ, Тнѣпо, скоропостижно занемогъ жестокою головою болью. Тнѣпо видѣлъ въ этомъ неблаговоленіе ко мнѣ духовъ чукотской земли.

Отдавая честь смысленности моего соперника, я благодарилъ его за вниманіе къ духовной бесѣдѣ, внушая бывшему тутъ народу имѣть уваженіе къ шаману Тнѣпо.

Не знаю почему, но я думалъ тогда, что успѣхъ проповѣди моей будетъ зависѣть на этотъ разъ отъ Тнѣпо. И я снова обратился къ нему съ словомъ моимъ.

„Тнѣпо! Самъ ты свидѣтельствующъ о жестокой своей головной боли, которую ты испыталъ при появленіи моемъ передъ вашими домами. Но вотъ Господь, которому я служу, даровалъ тебѣ облегченіе и ты пришелъ ко мнѣ здоровъ. Выслушай меня. Слова твои убѣждаютъ меня, что ты размышлялъ о предметахъ духовныхъ; спасительная истина близка къ тебѣ“.

„Все доброе у васъ, будучи пріятно Богу, радуется и меня, и измененій въ томъ не нужно. Пусть все доброе останется, какъ было и есть. Но ты подумай, когда умремъ, что будетъ съ нами тогда“?

„На томъ свѣтѣ допросятъ насъ; скажутъ: люди вы были не худые и не глухие, а умные и добрые. Зачѣмъ же вы разсуждали и сердцемъ пеклись объ оленяхъ только однихъ, да о лошадяхъ? Зачѣмъ не попеклись о душахъ своихъ? Бога, создавшаго все, зачѣмъ не познавали вы и не воздавали Ему подобающей чести? Зачѣмъ не слушались тѣхъ, кого по временамъ посылалъ къ вамъ Онь“?

„Проповѣдую тебѣ, Тнѣпо, и всѣмъ вамъ, что души человѣческія безсмертны. Не умираютъ. Самыя тѣла человѣческія, сгорѣвшія-ли въ огнѣ,

утоувшія-ди въ водѣ, пожранныя-ли животными, истлѣвшія-ли въ землѣ, всѣ со временемъ воскреснутъ для новой лучшей жизни“.

„Что кромѣ видимаго міра есть еще и міръ невидимый; что кромѣ видимаго свѣта, есть еще и свѣтъ духовный. И нѣтъ тамъ недостатка ни въ чемъ, а солнце — Самъ Богъ.“

„Проповѣдую, что единъ есть Богъ. Онъ всемогущимъ словомъ Своимъ, изъ ничего создалъ вселенную и всемъ управляетъ. Времена съ составами своими — сроки и предѣлы всему устроены Имъ.“

„Онъ обитаетъ въ славѣ Своей на небесахъ, превыше солнца и звѣздъ, во свѣтѣ непреступномъ для мысли, но доступномъ для вѣры и любви. Далекій отъ грѣшныхъ, близкій для праведнаго вѣрующаго сердца. Источникъ благъ.“

„Познайте Бога, и самихъ себя познайте. Не дѣлайте зла, удаляйтесь отъ всего худаго и будьте благодушны.“

„Возвѣщаю вамъ, что съ небесъ на землю пришелъ едиnorodный Сынъ Отца небеснаго, Предвѣчное Слово, Богомъ посланное для спасенія нашего. Слово Его, полное благодати и истины. Оно обитаетъ въ обществѣ вѣрныхъ Ему. Призываю васъ, друзей моихъ, имѣть общеніе съ Сыномъ Божиимъ. Вѣруйте въ Сына Божьяго и креститесь“.

Во время проповѣди, у моихъ ногъ сидѣлъ Майникляволь. Когда я кончилъ, онъ, поднявши руки, громко произнесъ — тыльмалавакъ. Вѣрую! Надобно креститься.

Нѣсколько голосовъ поддержали этого первенца вѣры. Шаманъ Тигио, а во святомъ крещеніи Андрей, присоединился къ оглашеннымъ. И приобрѣтено въ тотъ день 18 душъ. Да будетъ едино стадо безъ различія — кто русскій, кто чукча. Христіанство выше національной розни. Іоанн. 10: 16. Кол. 3: 11.

11—13 августа.—Ульвѣкъ, когда, прибывши къ нему, я проповѣдывалъ слово Божіе чукчамъ, отвѣчалъ мнѣ размышленіемъ огорчительнымъ, такими словами: „Я молодъ былъ. Русскіе предлагали мнѣ свое знакомство, ласкали дружбой. Противиться было нельзя и я крестился. Теперь гляжу на бывшее иными глазами, стариковскими. Что намъ принесло крещенье?“

Испыталъ на себѣ и видѣлъ на другихъ. Крестившись, люди бѣднѣютъ. Стада умаляются у нихъ, олени пропадаютъ и переводятся. Да и самые люди переводятся и пропадаютъ иногда неладно, съ тѣхъ поръ, какъ начали креститься. Стариковъ почти не стало вовсе. Многіе умерли не полудски, а такъ себѣ, какъ брошенные олени негодные какіе нибудь. Встарину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало, всѣ наши умирали по нашему. Чѣмъ жизнь свою началъ человѣкъ (кровью, болями и воплемъ безсознательнымъ), тѣмъ и кончить долженъ. Нѣтъ, я не позволяю никому креститься и самъ хочу умереть по человѣчески“.

Молодой человѣкъ съ косою, съ густыми черными кудрями по плечамъ, съ правильными чертами лица и съ черными какъ смоль глазами, задумчиво стоялъ, опершись о треногъ шатра. Это шаманъ. Ульвѣкъ замолкъ. Шаманъ заговорилъ, и что же онъ сказалъ? Оборотаясь къ своимъ онъ выразительно произнесъ—не надобно! Оборотаясь ко мнѣ,—не хотимъ! Сказалъ и вышелъ вонъ.

Заговорилъ Таннитанъ, любимый сынъ Ульвѣка. Вотъ его слова: „Мы живы оленями и безъ нихъ нельзя намъ быть живыми, въ здѣшнемъ краю. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищетѣ не расположены: и креститься не хотимъ.“

Примѣчаніе. Большая часть народа лишились оленей, опѣшели, сдѣлались сидячими, когда о крещеніи тамъ у нихъ и рѣчи не было въ странѣ. Теперь я, спустя годы, рассуждаю такъ. А тогда въ минуту трудную, не до разсужденій, было мнѣ. Да и, вопросъ я ставлю, разсужденія помочь могли ли? Или могли лишь раздражить?

Тогда чукчи разошлись. Я былъ оставленъ всѣми. Самые юкагиры и чуванцы, постоянно бывшіе со мною, замѣтивъ неудачу, всѣ куда-то разбрелись.

Опечаленный духъ мой возжелалъ уединенія и молитвы и я, не сказавши о себѣ, никѣмъ незамѣченный, удалился къ одному тамъ озеру.

На дворѣ стояло утро. Голубое небо отражалось въ спокойныхъ водахъ. Тишь безиробудная. Но жизнь природы проявляла себя. Красногрудые лебеди тундренные (самая мелкая порода, особый видъ), любуясь собою, плавали по водѣ, далеко за собою оставляли струнстый свой слѣдъ. Журавли перекикались за холмами, готовясь къ отлету. Стадо утокъ пронеслось надъ головою. Видимая природа была прекрасна. Освѣжительный воздухъ, тишина, восходящее солнце облегчали скорбь, имѣя благотворное вліяніе на сердце и мысль.

Около полудня ко мнѣ подошелъ человекъ.

— Мы ищемъ тебя; что дѣлаешь ты здѣсь?

— Рыбу удить собираюсь.

— Старикъ тревожится изъ—за тебя.

— Нуженъ сталь?

— Не знаю.—Эрэмъ съ Чавана заказывалъ, чтобы принять тебя. Заказъ извѣстенъ. Каково же старику, когда ты уходишь отъ насъ.

Ульвѣкъ сдѣлался уступчивѣе, мягче. Онъ даже извинялся. „Мы любимъ независимость, и волю и просторный свой край. Холодъ, снѣгъ, зима—стихія наша и все наше намъ хорошо. Но какъ обойтись безъ табаку и желѣза,—мы не умѣемъ; а то и другое идетъ къ намъ отъ русскихъ. Отъ русскихъ же и водочкой пользуемся иногда. Да зачѣмъ это комичаръ (комисаръ, исправникъ) не велитъ привозить къ намъ водки! ничего дурнаго нѣтъ въ ней. По чарочкѣ, по другой выпьешь ея—веселящей и сердце отмякнетъ, забудешь про горе, душа отдохнетъ отъ житейскихъ заботъ. Я часто твержу моимъ дѣтямъ: держитесь вы русскихъ поближе, намъ безъ нихъ не прожить.

И все, благодареніе Богу, кончилось крещеніемъ 34 человекъ. Самъ Ульвѣкъ потрудился пригласить новопривзванныхъ ко мнѣ для слушанія огласительной проповѣди, помогалъ мнѣ все приводить въ порядокъ и устраивать крещальную купель; а при совершеніи таинства, показывалъ собою примѣръ, какъ должно молиться, и самъ стоялъ съ зажженою свѣчю въ рукѣ.

16—17 августа. Кончивъ съ здѣшними чукчами мои дѣла, я отъ большаго Баранова мыса отправился на островъ Аѳ—нутэнутъ. Чтобы достигнуть его, надо было перебраться чрезъ проливъ. Версты три шли бродомъ по морской, ѣдкой, холодной водѣ, перемѣшанной со льдомъ.

Въ здѣшнемъ морѣ суточныхъ приливовъ нѣтъ. Но въ самое время переброя, отъ дѣйствія сѣверозападнаго вѣтра съ моря случился приливъ. Вода поднялась. Лошади пустились вплавь и вьюки сбило. Было страшно. По выходѣ изъ воды, съ версту мѣста маялись по топучему илу—сосуну. И едва едва мы не утонули въ этомъ сосунѣ. Опаснѣе воды; въ малую воду можно сдѣсь переходить съ меньшими хлопотами.

На острову остановился я у Рыкѣо—Йонля. Меня приняли хорошо и отвели удобное помѣщеніе въ просторномъ, сухомъ и тепломъ пологу. Но рядомъ со мною, въ сосѣдствѣ ночевала шаманка. Насъ раздѣляла лишь кожаная перегородка, и мнѣ было очень неспокойно. Коверканье, завыванье неистовое, погромъ въ бубень длились безъ конца, и я не могъ заснуть, какъ не желалъ бы этого для подкрѣпленія силъ, самъ будучи изнуренъ усталостію отъ труднаго пути и въ особенности отъ труднаго переброя на островъ водою чрезъ морской проливъ. Когда же стало разсвѣтать, шаманка предстала предо мною, сама съ распущенными волосами, блѣдная и вся въ синѣвичахъ. Мужественная фізіономія, широкій высокій выпуклый лобъ, мощная грудь, такія же плечи, увѣсистыя кисти рукъ, ростъ богатырскій — все необыкновенно было въ ней. Невольно рождался вопросъ въ головѣ у меня, чукотскіе шаманы не маскируются ли. —Эпѣиль, сказала она голосомъ кроткимъ, на свои ушибы указывая, — вотъ что сдѣлали со мною духи нѣнокорные. Крести меня.

Случилось, что старичекъ Антре, родной дяди Йонли представилъ мнѣ дочь свою, трудно больную малютку, которую я тутъ же и крестилъ безотлагательно, краткимъ послѣдованіемъ страха ради смертнаго. На утро Антре (Андрей) и его жена пришли ко мнѣ со слезами умиленія на глазахъ и показали мнѣ, и бывшимъ тутъ, свое дитя здоровымъ. Осѣнивъ малютку крестнымъ знаменованіемъ, я вспомнилъ что хвала Господу угодна, изъ устъ сеущихъ совершаемая, и что языки младенцевъ ясны, хотя они и не говорятъ.

Этимъ я и заканчиваю мою первую поѣздку въ чукотскія мѣстожительства, гдѣ послѣ довелось быть много разъ. Житьемъ тамъ жилъ. И радости знаю, много горя и лишеныя разныхъ испыталь. Смерть многожды видѣлъ въ самые глаза. Господь однако же хранилъ пришельца. Живъ остался. Достигъ такого возраста, который, по Давиду, — еле въ силахъ человекъ. Вотъ еще и родину свою увидѣлъ, гдѣ такое изобиліе рекомой оной quasi благодати, *dulcis quoque fumus*.—Суда, и милости и правды огнюдь не болѣе я вижу здѣсь, чѣмъ все это видѣлъ тамъ:

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сугошеромъ—юкагирская рѣчь на Колымѣ. Значить на горбу, на плечахъ, на спинѣ.

3. Отпускная церемонія у чукчей состоитъ въ томъ, что умирающему человѣку при его послѣднемъ издыханіи (или просто иногда кому наскучила—опостыла жизнь) копьемъ пронзаютъ сердце сквозь ребръ лѣваго бока. *Muribundus* при этомъ обряжается въ лучшее платѣ, какъ бы въ гости куда-то идетъ онъ, и рѣчь прощальную онъ говоритъ. Рѣчь оканчивается—все ли готово, пора. Два пріятели оба люди почтенные, разъ поссорились публично. Разошлись по домамъ и бончили—все ли готово, пора.

3. Йонля былъ остриженъ до гола, на макушкѣ кружокъ, по выше ушей обручекъ. Кружокъ съ обручкомъ украшены корольками. Въ ухахъ по двѣ пряди бисера—цвѣтъ бѣлый и черный. Самая обыкновенная прическа молодыхъ людей, щегольская. Стриженаго кружка иногда и не носятъ они, за то обручковь бываетъ и по два. Женщины замужнія, равно и дѣвицы, носятъ косы по вискамъ, подстригаютъ макушку. Главное украшеніе женщинъ—наколы. Мнѣзли. Татуировка, операція наколовъ довольно мучительная. Воспаленіе производитъ, а иногда и даже причиняетъ смерть.

4. Шаманъ—мудрецъ по толкованію юбагировъ, которые придерживаются всевозможныхъ разныхъ суевѣрій и ужъ въ чемъ другомъ, а въ этомъ отношеніи не уступятъ никакой почтеннѣйшей татарѣ. Мудрецъ, которому, изъ любви къ искусству, природа соблаговолила открыть нѣкоторые изъ тайниковъ своей премудрости на пользу людямъ. Онъ можетъ сдѣлать и зло, по испорченности собственнаго нрава своего, по невѣжеству, или же по снисхожденію къ доукамъ безотвязчивыхъ читателей своихъ. Со смертнаго одра они могутъ поднять; а кто здоровый въ лапы имъ попался,—во гробъ уложить, при помощи чародѣйственной силы своей, которая въ послѣднемъ случаѣ называется—вражья сила нечистая. По чукотски шаманъ—ээннылянь, энтэнкляволь, что буквально будетъ—божій человѣкъ (Ээнэнь—Богъ). Онъ бурями повелѣваетъ, луною управляетъ, звѣзды иркія рукою съ неба достаетъ, да въ карманъ, да въ пазуху себѣ кладетъ, не обжигаясь огнемъ небеснымъ. Когда однажды (необдуманно разумѣется),—когда я сталъ доказывать противное, ко мнѣ подошелъ мутноглазый человѣкъ. Онъ плюнулъ себѣ на ладонь, потеръ руку объ руку и вышелъ свѣтлѣнькій камушекъ, которымъ почтеннѣйшая чаванская публика угощала свое зрѣніе, какъ чудомъ. Я экое самъ ужъ видѣлъ. Мало этого было. Желая продолжать опыты волшебнаго могущества своего, магъ потребовалъ ножъ, въ намѣреніи проколоть себѣ грудь. Но я остановилъ его, сказавъ—довольно!

ЧУКОТСКІЙ СЧЕТЪ.

Энѣнь 1, Нирѣ 2, Ниро 3, Нгра 4, Мѣллиѣнь 5, Эннан
лиѣнь 6, Нирѣ мѣллиѣнь 7, Амгуровутыѣ 8, Конячинѣ 9, І
кѣнь 10.

Мингиткѣнь энѣнь пароль	11
— нирѣ пароль	12
— ниро пароль	13
— нгра пароль	14
Кильгинкѣнь	15
— энѣнь пароль	16
— нгра пароль	19
Кликкинѣ	20
— мѣллиѣнь пароль	25
— кильгинкѣнь пароль	35
Нирѣ кликинѣ	40
Ниро кликинѣ	60
Мѣлентѣ кликинѣ	100
Нирѣ мѣлѣнтѣ кликинѣ	200
Кликкѣ кѣкѣкѣ вликкинѣ	8000 и

Двадцатками считаютъ, какъ у насъ во времена оныя стар
считали сороками.

